

22 СЛОЯ

ПРАЗДНИК В СЕМИ ЦВЕТАХ

22 Слая

Праздник в семи цветах; — Орторус, Издательство «Китовая Амбра», 2024. — 553 с.

Добро пожаловать в Черную Каракатицу. Её вы не найдете ни на одной карте, а путь к ней скрыт от обычных глаз. Она окутана фиолетовыми лесами и оранжевым сиянием. Заходите внутрь без стука. Садитесь за барную стойку, но не смотрите, пожалуйста, бармену в глаза. Не оглядывайтесь и не задавайте банальных вопросов.

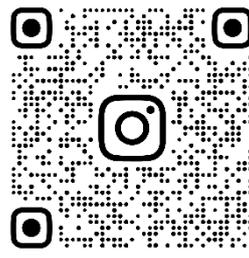
У горожан недавно похитили голоса, но вы, посетители из далеких зеленых краев, имеете очень крошечный шанс их вернуть. И возможно, Каракатица вам в этом поможет. Поведет самыми удивительными тропами, или погрузит в беспросветную глубину. Может, отречется от вас, а может, станет для вас самым родным оплотом. В какой-то момент она заставит вас начать эту историю с конца, чтобы дать вам еще несколько шансов найти развязку и узнать похитителя.

В конце концов, это путешествие оставит праздничный отпечаток на вашей душе, и несколько трагических шрамов на сердце. Поэтому заходите, не стесняйтесь, пока двери её для вас открыты.

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ

МОЙ ИНСТАГРАМ

22_LAYERS_OF_ME

© 2024 by 22 Layers. All rights reserved.

©Перевод на Йетрагге-янтэ ООО Издательство «Китовая Амбра», 2024

Права на издание получены по соглашению с 22 layers. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в Дамон-Тарре в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ООО «Китовая Амбра», Эмирония, Чароит, ул. Каменного звона, 3, литера А, пом. 7Н.

СОБЫТИЯ ЭТОЙ КНИГИ ПРОИСХОДЯТ ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ КНИГИ. НИЖЕ ВЫ НАЙДЕТЕ ПЕРЕЧЕНЬ КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЙ ВСЕЛЕННОЙ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.

1. АМАЛЬГАМА

1-ый год новой эпохи

ПРОЦЕСС, КОТОРЫМ НАЗЫВАЮТ СЛИЯНИЕ ЧЕТЫРЕХ РАЗНЫХ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ, ПРИВЕДШИЙ К ПОЯВЛЕНИЮ НОВОЙ ПЛАНЕТЫ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ ВИОЛАНДО.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЛИДЕРОВ СТРАН КАК СЕВЕРНОГО, ТАК И ЗАПАДНОГО МАТЕРИКОВ, НА КОТОРОЙ ОПРЕДЕЛЯЛИСЬ КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В РАМКАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА.

2. ПЕРВОЕ ЦЕЛЬНОЕ

6-ой год новой эпохи

3. СКРЕЖЕТ

48-ой год новой эпохи

АНОМАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ МИРОВОГО МАСШТАБА, ПРИВЕДШЕЕ КАК К ГИБЕЛИ БОЛЬШОЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ТАК И К ПОЯВЛЕНИЮ У НЕКОТОРЫХ ЛЮДЕЙ НОВОГО ВИДА ЭНЕРГИИ, НАЗЫВАЕМОГО АМАРАНТИНОМ.

ВТОРОЕ ПО СЧЕТУ СОБРАНИЕ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ, НА КОТОРОМ ОБСУЖДАЛИСЬ ВОПРОСЫ ПОСЛЕДСТВИЙ СКРЕЖЕТА, САМОЙ ПРИРОДЫ АМАРАНТИНА И ОТНОШЕНИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА К ЕГО НОСИТЕЛЯМ.

4. ВТОРОЕ ЦЕЛЬНОЕ

48-ой год новой эпохи

5. МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

49-ой год новой эпохи

МОЯ ВТОРАЯ КНИГА. ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

НА ЮГЕ СТЕОКСА ЗАВЕРШАЕТСЯ СТРОИТЕЛЬСТВО ЗАМКА, КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ ДОМОМ ДЛЯ ПЕРВЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

6. ОРТОРУС

50-ый год новой эпохи

7. БЕСКОНЕЧНОСТЬ, ПЛЮС-МИНУС

54-ый год новой эпохи

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА. ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ СВЯЗАНА С ОСНОВНЫМ ЦИКЛОМ. ПОМОГАЕТ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ КОНЦЕПЦИЮ МИРА И СОБЫТИЯ ДРУГИХ РАССКАЗОВ.

МОЯ ТРЕТЬЯ КНИГА. ЭТА ИСТОРИЯ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

8. ТРАУР/ПРАЗДНИК В СЕМИ ЦВЕТАХ

55-ый год новой эпохи

БУДУЩЕЕ ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ОТКРОЮТСЯ СЛОЙ ЗА СЛОЕМ.

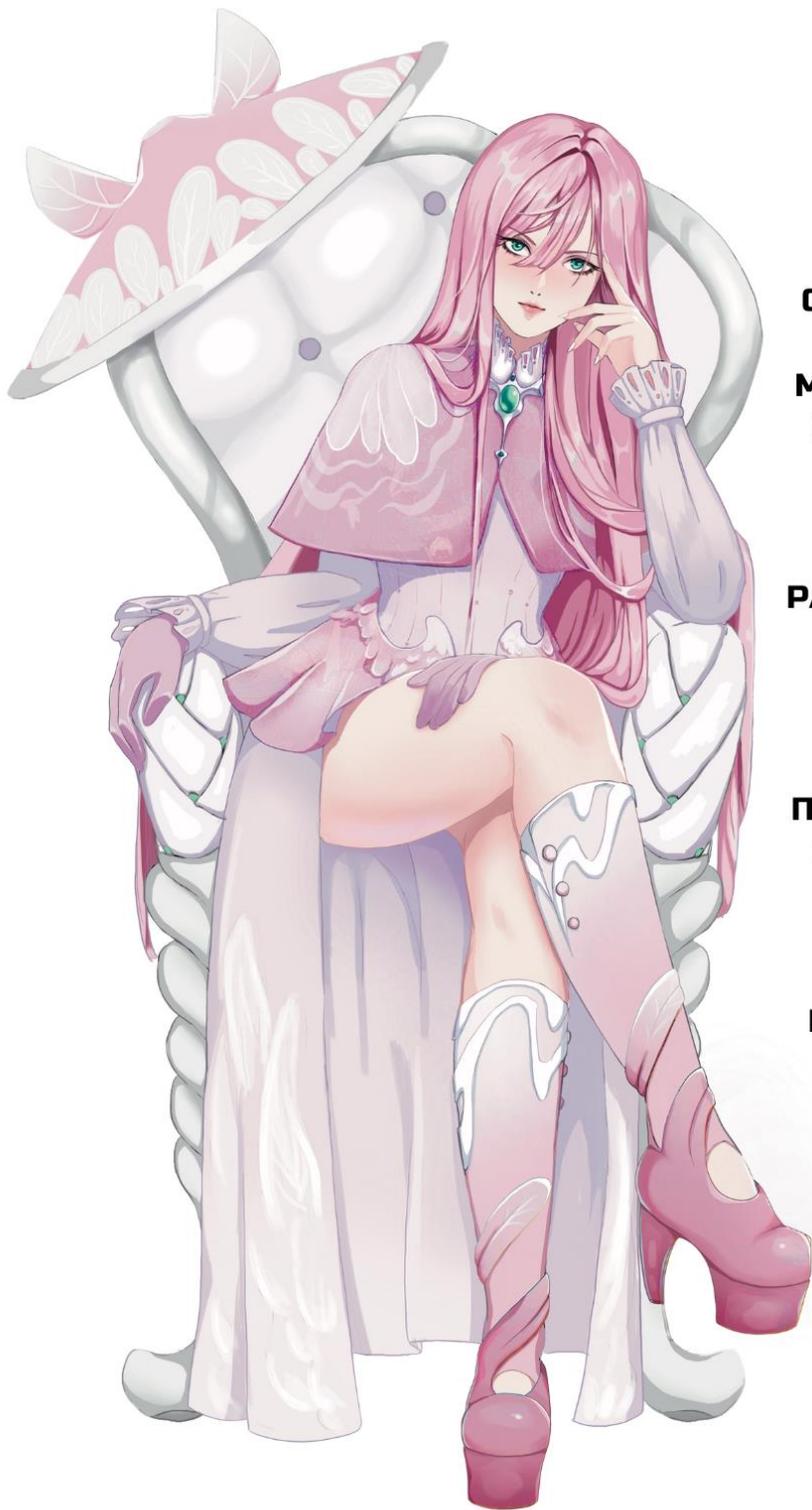
ЭСТЕР ПОДВЛАСТЕН ДОВОЛЬНО СПЕЦИФИЧНЫЙ АРОМАТ – КОНВЕРТАЦИЯ МАТЕРИИ. ДЕВУШКА СПОСОБНА ДЕМАТЕРИАЛИЗОВАТЬ ОБЪЕКТЫ, ПРЕВРАЩАЯ ИХ В ЗАПАСЫ АМАРАНТИНА. НАКОПИВ ДОСТАТОЧНО, ЭСТЕР СПОСОБНА МАТЕРИАЛИЗОВАТЬ ДРУГОЙ ПРЕДМЕТ, НИКОГДА ДО ЭТОГО НЕ СУЩЕСТВОВАВШИЙ. АРОМАТ ЭСТЕР ВЕСЬМА МНОГОГРАННЫЙ, И ПОЛНОЕ РАСКРЫТИЕ ЕГО ПОТЕНЦИАЛА ЗАВИСИТ ОТ ЦЕЛОЙ КУЧИ ФАКТОРОВ. ТАК НА СОЗИДАНИЕ ПРЕДМЕТА УХОДИТ КУДА БОЛЬШЕ АМАРАНТИНА, ЧЕМ ЭСТЕР ПОЛУЧАЕТ ПРИ РАЗРУШЕНИИ, А МАТЕРИАЛИЗОВАТЬ НЕЧТО, ИМЕЮЩЕЕ СЛОЖНУЮ СТРУКТУРУ ИЛИ МНОЖЕСТВО ДЕТАЛЕЙ, ЧАСТО ДЛЯ НЕЁ И ВО ВСЕ НЕПОСИЛЬНАЯ ЗАДАЧА.

**ВЫБОРОМ ПАРНЯ СТАЛ НА ПЕРВЫЙ
ВЗГЛЯД БАНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ – ЛЁД.
В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ НОСИТЕЛЕЙ,
ПРАКСИ ХОТЕЛ НЕ НАЙТИ КАКОЙ-ТО
ИЗОЩРЁННЫЙ АРОМАТ, А ВЫБРАТЬ
САМЫЙ ОЧЕВИДНЫЙ И РАЗВИТЬ ЕГО
КУДА СИЛЬНЕЕ ОСТАЛЬНЫХ.**

**ЛЁД С САМОГО НАЧАЛА ПОДДАВАЛСЯ ПРАКСИ, НО ТОТ НЕ РАДОВАЛСЯ
РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ. ПОСТОЯННЫЕ ТРЕНИРОВКИ И ЖЕЛАНИЕ ОВЛАДЕТЬ
АРОМАТОМ ЛУЧШЕ ДРУГИХ НОСИТЕЛЕЙ СТАЛИ ЧАСТЬЮ ЕГО ЖИЗНИ. В
РЕЗУЛЬТАТЕ ПРАКСИ НАУЧИЛСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЛЁД КАК В БОЮ, ТАК И В
ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ, ПРАКТИЧЕСКИ ДОСКОНАЛЬНО ИМ ОВЛАДЕВ.**

CHLOE

**С ПОМОЩЬЮ СВОЕГО АРОМАТА
ХЛОЯ СПОСОБНА
МАНИПУЛИРОВАТЬ СОЗНАНИЕМ
ЖИВОГО ОБЪЕКТА, ВЛИЯЯ НА
ЕГО ВОСПРИЯТИЕ. ЕЁ ИДЕИ И
СЛОВА НАЧИНАЮТ КАЗАТЬСЯ
ЖЕРТВЕ НАИБОЛЕЕ
РАЦИОНАЛЬНЫМИ И ЗДРАВЫМИ
СРЕДИ ВСЕХ ДРУГИХ, ДАЖЕ
СОБСТВЕННЫХ. ПРИ ЭТОМ
РАЗУМ ЖЕРТВЫ НЕ
ЗАТУМАНИВАЕТСЯ – ОН
ПРЕКРАСНО ОСОЗНАЁТ КАЖДУЮ
СЕКунДУ ПРОИСХОДЯЩЕГО И
ПРИНИМАЕТ
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ И
ВЗВЕШЕННЫЕ РЕШЕНИЯ,
КОТОРЫЕ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ
ИГРАЮТ НА РУКУ ХЛОЕ.**

СКАЙ СПОСОБЕН ВДОХНУТЬ ЖИЗНЬ В ЛИСТЫ БУМАГИ. ВСПЛЕСК АМАРАНТИНА ПРОИСХОДИТ ТОГДА, КОГДА ОТОРВАННЫЙ ЛИСТОК ПОДЛЕТАЕТ В ВОЗДУХ: ИМЕННО ПОСЛЕ ЭТОГО БУМАГА ПРИНИМАЕТ ФОРМУ, ЗАДУМАННУЮ НОСИТЕЛЕМ. ЕГО АРОМАТ НЕСЁТ В СЕБЕ ИНОГДА ПОЛЕЗНОСТЬ, ИНОГДА КРАСОТУ ИЛИ ПРОСТО РЕБЯЧЕСТВО, НО НИКОГДА – ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ДРУГИХ. СКАЮ ЧУЖДА ИДЕЯ ТОГО, ЧТО БУМАГА В ЕГО РУКАХ БУДЕТ КОМУ-ТО ВРЕДИТЬ. НАИБОЛЕЕ АРОМАТОЗАТРАТНЫМ ФАКТОРОМ ДЛЯ СКАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ИМЕННО ДЕТАЛИЗАЦИЯ ТОГО, ЧТО ОН СОЗДАЁТ. САМЫЕ БОЛЬШИЕ СЛОЖНОСТИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ТОГДА, КОГДА НУЖНО СОЗДАТЬ БОЛЬШОЕ И ПРОРАБОТАННОЕ СУЩЕСТВО, КОТОРОЕ БЫ МОГЛО СВОБОДНО ДВИГАТЬСЯ.

В этой версии предоставлен ознакомительный фрагмент книги. Идея и неповторимость этой книги раскрываются в печатной версии и исключительно в ней, потому вам не удастся ощутить чары, не коснувшись настоящих страниц.

Глава единственная: Рождение в семи цветах

На левой ладони Эстер читалась смерть. Она не могла оторвать взгляда от руки, на которой жестокий фатум оставил злую шутку. К такому нельзя быть готовой, о таком невозможно просто взять и перестать думать. За несколько секунд её жизнь перевернулась с ног на голову, да так, что аж во рту пересохло.

Раньше (*она готова была поклясться, что ещё вчера!*) этой метки не было, но у плохих новостей есть привычка появляться неожиданно. И нет ничего хуже, чем когда перед твоим лицом щёлкают пальцами, пока ты хочешь провалиться сквозь землю. Не понимают всей трагичности ситуации. И даже если расскажешь — не поймут. Не поймут, и всё тут.

— Эстер, тук-тук, — потешалась Хлоя. — Приём, приём.

— Да, я передам. Сказала же, передам, чего щёлкать?

— Не сказала, поэтому и щёлкаю. Улетела куда-то.

— Нет. Нет, не улетала я никуда. И вообще, холодно на крыше с целый час торчать. Пошли.

— Я ещё посижу немного. Встретимся через минут тридцать. Оставляю за собой право опоздать.

— Ладно. Как знаешь.

Эстер бросила холодное “пока” и покинула крышу. Надеялась, что прозвучало не сильно грубо. Нужно поменьше нервничать. Последнее время она вся на иголках. Главное — не смотреть на ладонь. Там трагедия. Трагедия! К трагедиям Эстер относилась с опаской.

Она не спеша спускалась по ступенькам, но дольше, чем на пару минут, спокойствие сохранить не удалось. Краем глаза заметила какое-то движение и выглянула в окно. От увиденного захотелось просто схватиться за голову. Кошмар, самый что ни на есть. Без малого настоящее побоище!

На тренировочном поле две силы пытались удушить друг друга. Такое нельзя было назвать спаррингом — битвой насмерть, да и то в лучшем случае. Лёд и гравитация давили друг друга, проявляя свою по-настоящему опасную сущность. Пракси сражался с Мией так, будто хотел её смерти (*по-настоящему*). Невероятно высокий темп, где никто не давал лишней секунды, чтобы прийти в себя. Просмотрел, не уследил или отвлёкся — и боги его знают, чем это обернётся.

Эстер открыла окно и окликнула. Никакой реакции. Лёд разлетался и трещал, как сброшенное с крыши стекло. В Мию метнулись три ледяных шипа, но те не успели долететь и устремились прямо вверх. Оба прыгали и надолго зависали над землёй: парень из-за груды льда под ним, а Мия так и вовсе просто парила. Пракси приближался, а его соперница старалась держаться на расстоянии. Ей было рано сталкиваться с его реакцией и навыками. Мия не медлила, не оставалась на одном месте и это походило на страшный, опасный для жизни танец.

Темп нарастал и нарастал. Всё это стало выглядеть просто вопиюще. Оттолкнувшись от ледника, Пракси оказался прямо над Мией и материализовал под ногами такой же большой ледник. Тот на секунду завис, а потом метнулся так, будто им выстрелили.

Дальше Эстер не смотрела. У неё самой похолодели конечности, и она рванула вниз по лестнице ещё быстрее, чем летел тот айсберг. Пробегала по две-три ступеньки, буквально прыгая и не боясь подвернуть сразу обе ноги. Редко когда ей хотелось чертыхаться, но такие прецеденты способны довести до белого каления.

Навстречу поднимался Сандер, и первая мысль, которая проскочила в голове, — только бы не напороться на его клюв. И маска может сломаться, и самой Эстер от этого будет мало приятного. Тот завидел её и поднял руку, чтобы поприветствовать.

— О...

— НЕ СЕЙЧАС!

Пули Кейтлин так не летали, как Эстер промчалась мимо него. Девушка оказалась на первом этаже, в задней части замка. Ладони со всей силы толкнули массивные ворота, и она выбежала на тренировочную площадку. Первое, на что упал взгляд, пока она подбегала, — Мия. Та вся промокла, это было видно по одежде и волосам, едва стояла на ногах, очень тяжело дышала и смотрела на Пракси. Здоровая и живая. Всё остальное потом, а это — самое важное.

И весь тот ком, тот огромный шар возмущения и осуждения, который она готова была вывалить на своего друга в эту самую секунду, разбился об один лишь жест. Только Эстер приблизилась, Пракси выставил в сторону указательный палец, как приказ остановиться и не вмешиваться в разговор. В отличие от Мии, он даже не поворачивался, но, конечно же, знал, кто стоит рядом. Жест был достаточно серьезным, чтобы его проигнорировать. Эстер ждала.

— ...и я не первый раз говорю думать головой, Мия. В первую очередь — стратегия, а потом — слепые удары. То, что ты попробовала пробурить ледник, — это пыль, это ничего не стоит. Ледник пропилил я, поэтому в настоящей ситуации от тебя осталось бы мокрое пятно.

— Да.

— Головой работай. Отлети в сторону. Откинь ледник. Достаточно даже просто перенаправить его на несколько градусов. Напролом идти нужно, только когда уверена в себе на миллион процентов из ста. А твой уровень боя хорош, только вот закончила ты этот спарринг просто позорно. Три из десяти, если тебе нужна оценка. Это просто пыль.

— Я поняла. И буду стараться.

— Я знаю, что ты, Мия, можешь быть эталоном, — строго продолжал он. — Ты — человек, который может отточить всё так, что на тебя будут равняться. Сейчас на тебя равняться не хочется. И даже расценивать тебя как равного соперника не хочется.

— Исправлюсь, — кивнула та.

— Я надеюсь. На сегодня всё.

Айсберг-бублик подлетел вверх и брызнул дождём, капая на кожу холодной водой.

— Привет, Эст.

Пракси развернулся и направился в замок, туда, откуда прибежала Эстер. Хорошим настроением он не пестрил. Девушка растерялась. Первые несколько секунд не знала, что важнее. Комок негодования, он-то никуда не делся, хоть и чуть уменьшился. Но Мия была важнее, чем плохие слова. Пока Пракси уходил, Эстер метнулась к промокшей бедняге.

— Ты как? Замёрзла?

— Околела слегка. А так нич-ч-чего такого.

— Не бери его слова в голову, пожалуйста.

— Порядок, — изрядно устав, улыбнулась та. — Но ведь это так. Он прав. Я ничуть не обижаюсь.

— Прими тёплую ванну, а то ты до нитки аж. Можно заболеть.

Они взялись за руки, и Мия, глянув подруге за плечо, села на траву. Потом закрыла глаза и очень устало выдохнула. Рука Эстер легла поверх её руки как знак поддержки.

— Да. Пару минут. За меня не волнуйся. Порядок. И спасибо тебе.

— Хорошо. Да, приди в себя. Сделать тебе чай?

— Не нужно.

— А ванную?

— Правда, не нужно, Эстер. Я ценю, но нет.

— Ладно. Больше никогда не соглашайся на такое. Это может страшно кончиться.

— Я...

— Сейчас подойду. Одну секунду.

Эстер ещё чуть выждала и встала. Беспокойство прошло. Она побежала к массивной двери и всё же нагнала уходящего. Стоило его окликнуть, как он остановился и развернулся.

— Вот скажи мне, разве можно так? Ну вот разве это нормально? Я тебе скажу — так нельзя! Кошмар какой!

— Почему?

— Это опасно. Тренировки тренировками, но ставить жизнь под угрозу — это ненормально. И так нельзя, понимаешь ты это или нет?

— Ну как это? — Пракси был на удивление расслаблен. — Как это нельзя, когда на самом деле можно?

Эстер застопорилась и не знала, что ответить. Её будто не услышали.

— Ты... Так, слушай, я ничуть не сомневаюсь в твоём аромате и способностях.

— А в Мие сомневаешься?

— Что? Нет, я...

— Я тоже. Она человек с невероятным потенциалом. Что же тогда его не раскрыть?

— Пракси, ну не такими же жертвами!

— А чем, Эст? Словами? Теориями?

— Ты... Вот почему ты такой упрямый баран? Тебе так сложно уловить, что я говорю? Ты ведь всё понимаешь.

Тот горделиво рассмеялся и пожал плечами, мол, не знает.

— Пусть она примет душ. Всё же хорошо обошлось, так что пусть согреется. Когда насмерть пришибу — вот тогда и ругай. А я пока по делам.

— Ага, — Эстер нахмурилась и сочла, что лучше закрыть тему. — Только ничего не планируй особо. Хлоя просила зайти в Перекрёсток¹ к половине третьего. Расскажет детали.

— Я успею. Эст, извини, если вывел тебя из себя. Относись проще, пожалуйста, — бросил Пракси и, наивно полагая, что этой фразой сбросил с себя всю ответственность, пошёл дальше по коридору.

— Ну-ну... Удачи с делами.

Пракси поднялся на четвёртый этаж и открыл нужную ему дверь. Ту, что была за поворотом и почти в самом конце коридора. В ничейной комнате находилось два человека: Скай и Эйдан. Помещение было странного формата — это каким-то образом помогало смягчить навязчивые мысли последнего. Стены, пол и потолок были обклеены обрывками бумаги мягкого голубого цвета. Листочки были склеены между собой широкой липкой лентой, и комната приобретала серо-голубые тона. На полу была целая куча подушек: их было настолько много, что, чтобы наступить на пол, нужно было ещё постараться.

Завидев друга, Скай поднялся и тихонько вышел к нему, оставив дверь едва-едва открытой.

— И как?

— Болтаем.

— Всё плохо?

— Кажется, стабильно. Но я не до конца уверен. Ты такие вещи лучше различаешь.

— Понял. Хочу поговорить с ним. Можешь подождать недолго? К половине нам нужно быть в Перекрёстке. Как раз вместе пойдём.

— Подождать? Да, конечно. Не вопрос.

Пракси признательно кивнул и зашёл внутрь. Он не снимал обуви и шагал прямо по подушкам. Дверь позади закрылась.

---

¹ Перекрёсток — зал на первом этаже замка, в котором проходят совещания по поводу предстоящих заданий. Ради обычного отдыха туда входить не положено, потому в Перекрёстке можно обсудить план действий, не боясь, что кто-то помешает.

Здесь было довольно тихо. Эйдан смотрел в потолок и курил самокрутку. Не отрывал взгляда, даже когда к нему подошли.

— Как твои дела, Эйд?

— Пракси, — в усталом голосе читалась лёгкая паника, — дверь же закрыта?

— Да.

— Тогда ляг.

Он послушался. Тоже лёг на спину и уставился на потолок. Какой же у табака всё же гадкий запах.

— Синиц не видишь над нами?

— Не вижу. Я вижу потолок.

— Да, — в его спокойном голосе слышалась едва уловимая горечь.

— Так-то оно хорошо. Было бы странно, если бы ты видел синиц.

— А ты видишь?

В таком состоянии разговоры с Эйданом часто тянулись очень долго. В голове успевали промелькнуть вполне целостные мысли. Поначалу Пракси задавал себе вопрос, когда же он услышит ответ. Почему Эйдан так долго молчит? Медленно дышит или несколько раз затягивается, а потом отвечает. Он почти никогда не произносит пустых слов. Поэтому это нормально — фраза раз в минуту. Привычное, если задуматься, дело.

— Ага. У меня в голове такая драма развернулась. Даже не представляешь, друг.

— Это связано с синицами?

Пока Пракси дождался ответа, прошло тридцать восемь секунд. Зачем он каждый раз это считает?

— Нет. Слово $\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\iota\varsigma$, тебе знакомо?

Он часто произносит неизвестные слова. Их сложно было даже воспринять на слух, не говоря уже о том, чтобы понять их значение. Иногда Пракси встречались знакомые, но только иногда. В голове Эйдана, скорее всего, было куда больше слов, чем знал весь Виоландо², что уж говорить о жителях Орторуса³.

— Первый раз слышу.

— Есть такое знание в нашем мире, — Эйдан настолько глубоко затянулся, будто хотел прожечь дымом лёгкие, если бы это было возможно. — Разумная форма знания. Его носят только несколько

---

² Виолáндó — мир, в котором происходят события всех книг цикла. Состоит из четырёх материков, которые практически не контактируют друг с другом.

³ Ортóрус — название замка, в котором живут главные персонажи цикла.

живых существ. Несколько существ на всей планете, представляешь? Или даже одно. Зависит от знания.

— И Ошитсунэ тебе о нём рассказал, я прав?

— О, да. Передал от самого начала и до самого конца. Секунда, и всё.

— Без слов, что ли? Как же он за секунду тебе это передал? Ты говорил, это что-то вроде шипения или шёпота в голове.

— Пракси, — то ли вяло, то ли болезненно рассмеялся парень, — если ты в своей прекрасной жизни встретишь хоть кого-то, кто объяснит тебе картину без единого слова, знай — у него есть ответы на вопросы, о существовании которых ты не подозреваешь. Но ты не встретишь. Думаю, что не встретишь.

— Я не понял тебя.

— Что понимать-то? Ты просто начинаешь знать. Есть вещи, которые невозможно записать буквами, звуком или чем-то ещё.

— Ты хочешь этим знанием поделиться со мной? Так?

— Я хочу тебе его отдать. Понимаешь, $\gamma\psi\sigma\iota\varsigma$ исчезает из головы передавшего и поселяется в голове того, кто услышал. Оттого полнота картины никогда не редуцируется. Важно только отношение человека к тому или иному $\gamma\psi\sigma\iota\varsigma$.

— Эйд. Проще, пожалуйста.

Тот закивал. То ли стыдливо, то ли печально, будто ему только что о чьей-то смерти рассказали.

— У меня в голове мусор. Забери его. Я не могу с ним спать. И жить. И ничего не могу.

— Тогд...

Эйдан закрыл глаза и показал пальцем, что начинать говорить не стоит. Словно молил: "Подожди, пожалуйста". Долгая пауза, слишком долгая даже для него.

— Это нечестно. Ты — самый родной человек, что у меня есть. Но у тебя другая голова. Я-то всё прокручиваю наяву. Ошитсунэ мне помогает в этом. А тебе будет проще. Поэтому забери это знание.

— Говори. И отдавай мне его. Меня ты мало чем сможешь напугать.

— Слишком громкие слова. Даже для тебя.

Он докурил одним длинным затягом. Таким, каким люди не затягиваются. А потом, когда его лёгкие были заполнены дымом, Эйдан приоткрыл рот, и серое ядовитое очарование постепенно начало выветриваться. Так продолжалось три минуты. К такому нельзя было привыкнуть. Этот человек мог не дышать и пять минут, и хоть все тридцать — такие маленькие факты пугали куда больше,

чем всё остальное. Маленькие кусочки человечности, которые трещали по швам всё сильнее.

На грудь упало пару капель потолка. Оттуда, где была щель между двумя листочками голубого цвета. Ситуация начала выходить за рамки дозволенного.

— Эйдан, нет. Нет. Не вздумай.

Друг задумался над тем, действительно ли "нет". Решил для себя, что действительно. Потолок перестал течь, и всё стало на свои места. А потом его голос стал ещё холоднее, куда холоднее, чем до этого. Не голос Ошитсунэ, но и не его естественный. Что-то среднее и неуязвимо хрупкое.

— Я всё думаю, где он. Каждый день. Где же этот Ошитсунэ сидит? Если бы это был мозг, я бы мог просто раздавить голову и вытащить его. А если в сердце или других органах, почему у меня мысли в решето? Он... — Эйдана сильно передёрнуло. — Внутри. Ошитсунэ в самих мыслях, Пракси.

— А что тебе даст ответ, Эйд? Ты вырвешь из себя кусок себя же самого. Пусть он хоть в руках — ты оторвёшь себе кисти. Ошитсунэ от этого хуже не будет. Я уже не говорю о жизненно важных органах.

— Никаких увечий себе. Никаких. Ни за что. Обещаю. Да, обещаю, — успокаивая себя, повторял говорящий. — Извини за ком мыслей. Я вылавливаю слова их чёртовых озёр. У меня одна удочка, поэтому прости за посредственный улов. Но давай уже о знании, наконец. Тебе нужно его услышать и унести.

— Унесу, будь уверен.

Эйдан посмотрел на Пракси так, будто уже потерял близкого друга. Нельзя было долго молчать. Чем длиннее отрезок тишины, тем хуже становилась ситуация. С Эйданом всё было непросто. В такие моменты безопаснее всего для него было находиться в помещении одному. Он мог сидеть, сидеть, зарываясь глубже и глубже, давая внутреннему голосу съесть сначала разум, а потом собственное тело. Ошитсунэ растворял его почти до полного ноля, но Эйдан отбивался и забирал своё. Два разума делили одно тело, и никто из них окончательно не мог одержать верх. Когда приступы обострялись и Эйдан почти пропадал, бороться ему помогала не сила воли и страх исчезнуть.

А люди. Вот этот парень, что лежал прямо рядом с Пракси, нуждался в близком человеке даже тогда, когда сам переставал им быть. Ему нужны были разговоры, хотя часто на простые чистые фразы он отвечал неразборчивым или болезненным потоком, что делало общение со многими натянутым. Пракси в этом плане был

самым важным человеком, потому что, в отличие от других, он редко когда подбирал вежливые слова и правильные темы. Он не церемонился и мог позволить себе говорить с сидящей внутри загадкой по имени Ошитсунэ на равных.

Пракси мог хорошенько врезать. Помимо сгустка кровавой слюны из головы вылетало что-то ещё. Господство паразита над человеком. Чувство абсолютной безнаказанности и контроля. Высокомерие. Нарциссизм. Он умел заговорить так, что страх в первую очередь пробирал Ошитсунэ, а уже потом самого Эйдана. И из раза в раз как-то складывалось так, что, когда нужно лишь немного слов, Пракси не махает кулаками. Но когда слова уже не помогали, парень не гнушался взять паразита за шкуру.

За всё время они уже столько раз общались, что Пракси понимал Ошитсунэ. На дух не переносил, что правда, то правда. Но его язык и повадки знал как свои родные.

— Эйд. Ты ведь сейчас слышишь его, да?

Друг смотрел в другой конец комнаты, давя пальцами на уголки глаз. Выглядел как бомба, которая уже тысячу раз должна была взорваться, но что-то пошло не так. Тишина, в которой прячется хаос. Этот хаос пытаются обуздать, а он пытается вылететь из бомбы, разнеся в щепки всю округу.

— Немного. Самую малость.

Из глаз собеседника полились слёзы. Тогда Эйдан нырнул рукой под одну из подушек и нащупал незнакомую Пракси книгу, которую тут же раскрыл на первой попавшейся странице. Взгляд вскользь пробежал по обложке, но ничего дельного не разобрал. Какая-то драма о цветах или вроде того, ещё и со странным псевдонимом автора, если глаза не ошиблись. Не успел Пракси вчитаться, как Эйдан оторвал лист почти с середины книги, скомкал его и промокнул им свои слёзы.

— Просто успокоиться нужно. Вот и всё. Только и всего.

Эйдан швырнул промокший лист в сторону, снова расслабился, и голос стал как мягкое прохладное течение. На обложке книги удалось разглядеть лишь две двойки, прежде, чем Эйдан отбросил ту в сторону.

— Полегчало?

— Да. Сейчас-сейчас. Я хочу начать, но... но вот что он там стоит? Прямо за дверью, будто хочет послушать. Меня от этого корбит. При всей любви, я сейчас просто встану и разобью ему голову.

— Нет, не разобьёшь. Не забывайся.

Он закрыл глаза и начал размеренно дышать. Чтобы не повторилось. Чтобы всё оставалось таким же серо-голубым, как эта комната. И не нужно ярких цветов и эмоций. Ни крика, ни рычания. Только вдох и выдох.

— Разберись, пожалуйста.

Пракси потряс его за плечи и заставил посмотреть на себя. Тот не сопротивлялся и оставался вялым. Жестом отмёл все ненужные слова.

— Просто разберись.

Пракси поспешно вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

— О, — обрадовался Скай, — закончили?

— Не то чтобы. Я немного задержусь. Ты можешь идти, дружище.

— Всё плохо? — голос тут же стал мрачным и более тихим.

— Нет, просто нам нужно поболтать. Такое, знаешь. Быть рядом в критические моменты и так далее.

— Я знаю.

— Спасибо, Скай. Это ничего себе как важно для меня и всё такое. Сам понимаешь.

— Это уже звучит как официальная благодарность. Ужас тот ещё.

— Да, — Пракси цокнул языком. — Тот ещё. Скоро увидимся.

Я махнул рукой на прощание и уже совсем скоро оказался на улице.

Возле живой изгороди, у оранжереи, собралось чуть ли не ползамка. Бурная дискуссия не столько из-за количества людей, сколько из-за криков Кейтлин, которая всеми силами пыталась что-то доказать такому же громкому Парадоксу. Обычно они объединяются в непобедимый дуэт, который не переспоришь, не заглушишь и не успокоишь, но здесь что-то пошло не по привычному плану. Рядом с ними, вроде в той же компании, а вроде и нет, стояли Тесс, Венди и Мортимер. Они спокойно общались и не вертелись по сторонам, как те двое. Нетрудно догадаться, кто заметил меня первым.

— Что это вы тут грохочете громче грома?

— А? Что ты, никто никому не грохочет, — Кейтлин переглянулась с Доксом и с совершенно несвойственным ей молящим оттенком в голосе попросила: — Скай, милый мой, у нас есть к тебе просьба. Просто скажи “хорошо”. Скажи, я тебя очень прошу, а потом я объясню, что именно “хорошо”.

— Погоди, это так не работает.

— Я тебя умоляю. Работает, если заставить.

— Нет-нет, Леди-револьвер, прекращай хитрить. Даже не вздумай начинать.

— Хорошо, давай покороче — ты нам нужен больше воздуха. У тебя есть свободная минутка?

— Мне сейчас так любопытно, что вы там себе накрутили, что я ни за какие коврижки не скажу “нет”.

Она жестом попросила напрямую ответить на её вопрос, и я решил не изворачиваться — чего уж там.

— Свободная минутка есть.

— Отлично! Докс?

Чудак в зелёном знал, чего от него ждёт подруга. Тесс бодро подскочила к нам, чтобы ещё раз услышать то, что она уже наверняка слышала. Венди и Мортимер стояли немного в стороне: они негромко разговаривали, и этот шум, судя по всему, им не мешал.

— Скай. Если бы ты спросил меня, что есть жизнь, я бы ответил, что жизнь — это звук, — Парадокс начал выразительно, точно из кожи вон лез, чтобы меня впечатлить. — Мы с Кейтлин, как уроженцы Хикаридуса⁴, знаем это как никто другие. Звук и музыка — это желание жить, это чувство счастья и вообще целая философия, если на то пошло. И именно там, на нашей родине, будет самый...

Он выдохнул. Эта пауза была нужна, чтобы все ещё раз осознали, что это не просто “самый” какой-то там. Нет. Это “САМЫЙ”. То есть вообще не поддающийся сравнению по умолчанию. Я не перебивал, и мы с ним негласно сошлись на том, что я понимаю всю важность происходящего.

— ...САМЫЙ масштабный концерт в истории Виоландо. Боги с тем Виоландо, Скай, это событие вселенского масштаба. Я всерьёз думаю, что там будут представители инопланетных цивилизаций,

---

⁴ Хикари́дус — огромный город-государство на северном материке, Дамон-Тарре. Столица громких звуков, ночных развлечений и ярких красок, которые являются неотъемлемой частью жизни большей части населения.

если они существуют, конечно. Это не просто пара песенок в забегаловке под аплодисменты пятнадцати человек, как часто бывает в Эмиронии⁵. О нет, друг мой, нет-нет и ещё раз нет. Ради такого, поверь, стоит научиться путешествовать между планетами и галактиками. И ты должен быть на этой тусиче с нами, потому что такое случается раз в тусичелетие. А, дошло? Тусичилетие!

— Ух ты! — охнула Тесс. — У меня опять мурашки!

— Ты тоже с ними? — спросил я, уже зная ответ.

— Скай, ну ты чего? Конечно же, да! Кажется, это будет одним из самых ярких событий в моей жизни, — от радости она запрыгала на месте. — Мне так интересна вся эта... громкая жизнь, знаешь? Культура Хикаридуса. Ох, мамочки!

— Я понимаю, что это глупый вопрос, — я перевёл взгляд на другую свою подругу, — но... Кейтлин?

Та наигранно посмотрела на свои ногти, демонстрируя собственную важность.

— Я организатор, — гордо бросила она. — Идеальный вдохновитель и душа любой компании. Конечно, я там буду.

— Так, а я вам на кой? Простой эмиронский парень, никого не трогаю. Вы же знаете, что моя душа к такому не лежит.

— Ты же путешественник, а Хикаридус на другом материке. Всё логично соединяется в один клубочек.

— У меня немного другой формат, ребята. Да и на задание я вот-вот отчаливаю. Но, правда, спасибо за предложение.

— Мы все отпросились и сразу сказали нас не трогать в эти дни, — весело заметил Докс и давай меня подначивать: — Тебе тоже можем помочь немного пофилонить, мы ведь влиятельные люди. Да и вообще, что значит "не по этим штукам"? Вон, тоже простой эмиронский парень. Но он-то согласился.

Пракси пальцем показал на Мортимера, и меня почему-то сразу пробило на смех. Хохотал себе и не стеснялся — уж больно не складывалась картинка в моей голове. Мы приблизились к двум болтающим тихоням, и те обернулись. Одетый в тёмные цвета, любящий чистоту, аксессуары и эстетику, Мортимер на подобном концерте напрочь рушил законы моего представления о нём. Он — терпение и спокойствие, он — сама медитативность, а не совсем наоборот.

— Не может быть! Тьма-тьмущая, тебе-то что там делать? Они тебя шантажировали?

---

⁵ Эмирония — западный материк Виоландо, на юге которого и был когда-то построен Орторус.

— Нет, почему? — спокойным голосом сухо отрезал Морти. — Мне просто интересна грань этой жизни. Как бражник мёртвая голова⁶, что захотел отдохнуть от жары и улететь в тундру. К тому же, если за это дают хорошую скидку, то почему не помочь?

— Что за скидка, о чём мне уже не сказали?

— Там за каждого приведённого человека дают скидку на билет, какое-то звание и набор чудных безделушек, — радостно протараторила Тесс, но тут же замялась, едва глянув на Кейтлин. — Ну, или... Ничего там не дают вообще. И скидок там никаких нет.

— Суть не в этом. Всё это есть, но это шелуха. Что мне какие-то скидки? Просто моё организаторское сердце захотело собрать побольше людей, только и всего. И мы каждому в замке предложили это, потому что хотим, чтобы было не просто весело. А забываемо, понимаешь?

— И много наших согласились? Помимо вашей троицы.

— Морти.

Из уст Докса это звучало одновременно и бодро, и прискорбно. Из целой кучи присутствующих согласился всего один, но какой же крепкий орешек они в итоге раскололи, аж гордость брала, было видно! Это не какая-то там Хлоя, что тоже любила шум, веселье и запросто бы сказала «да», если бы не задание. Тут что-то невообразимое случилось.

Мне в голову ворвался образ Мортимера, что надел бы тёмные очки и бодро плясал под эту музыку-электричество, свойственную Хикаридусу. Если бы концерт на него серьёзно повлиял, то этот мистер Тьма-тьмущая выбрал бы себе флайо⁷ ярких цветов — совсем из ряда вон выходящее событие. Если рассматривать жителей замка, которые ну вообще никак не смотрятся на огромном концерте с выбивающими барабанные перепонки звуками и, скорее всего, тысячами людей, то Морти был как раз в первом ряду. Примерно так же близко, как и...

— Венди! Тебя-то они хоть не мучали?

— Мучали, конечно, — вздохнула та. — Все их послали куда подальше. Кроме Морти. Но он просто любит острые ощущения и...

— Мы договорились с тобой, — перебила Кейтлин, — что дашь финальный ответ после полуночи. А пока ты думаешь.

---

⁶ Бражник мёртвая голова — большая бабочка, обитающая на юге и западе Эмиронии.

⁷ Флэйо — верхняя одежда в Эмиронии. Представляет собой накидку из толстой ткани по типу габардина. Зачастую имеет длину ниже колен, шлицу, стоячий воротник и орнамент на внешней и внутренней стороне рукавов.

— Да. Я помню.

Венди бы не поменяла мнения. Это знал я. Это знала сама Венди. Это знали и Кейтлин с Доксом. Им был важен сам факт, что сиюсекундное сухое “нет” так и не прозвучало.

— Скажи, ты принципиально не поменяешь решение, да? Даже если через час поймёшь, что очень хочешь и жить без этого не можешь?

— Не в том дело. Через несколько дней должно быть солнечное затмение. А это очень важное событие для меня. Мы с Сандером хотим пойти в Сторге⁸ и с ребятами посмотреть на него. Для меня оно куда важнее.

— Важнее самого крутого в мире концерта?

— Да, Кейтлин. Самого невероятного и крутого в мире концерта.

— Это, конечно, красиво, но таких затмений ещё будет ого-го. Скукота.

— Дай боги тебе дорасти до этой скукоты. Была бы самым счастливым человеком на свете.

— Я тебя умоляю.

— Тут ты не права, Кейтлин, — вмешался Докс. — Такие вещи — это как раз то, что может потягаться с нашим концертом в крутости, поверь.

Последняя раздражённо цокнула языком и явно была далеко от того, чтобы согласиться. Теперь на месте, где недавно стоял Морти, устроился я сам. Венди аккуратно упёрлась руками о невысокий заборчик и мечтательно смотрела за изгородь. Пока остальные спорили, у нас завязался диалог.

— Честно говоря, сам бы предпочёл концерту такую красоту.

— Когда я в последний раз смотрела на затмение, то не могла прекратить плакать. Будто окутало какое-то неопишное чувство. Светлая-светлая грусть, наверно. Это дороже любого концерта, который я могу представить.

— Согласен.

— И когда я нахожусь с важными для меня людьми, которых люблю... Мне кажется, можно всерьёз сойти с ума. Тогда я чувствую природу и ритм жизни настолько сильно, что трудно себя сдерживать. Но мы-то с тобой сколько раз это проходили, Скай. Это Кейтлин не понимает. А ты знаешь.

— Знаю. Ещё как.

---

⁸ Стóрге — маленький детский приют, который находится недалеко от Орторуса. Схожесть Сандера и Венди в важных для них вопросах привела к идее выкупать детей на аукционах и помогать им адаптироваться к миру. На момент рассказа в приюте находятся четверо детей.

— Хочу быть рядом с тобой и в этот раз. Давай посмотрим на это вместе?

— Та... — Я упустил очень многое, но тосковать от этого не хотелось. — Мне же на задание. Причём, по забавному совпадению, уже нужно идти слушать, что там да как.

— Точно. Ты говорил, прости.

— Не переживай только. Насмотримся ещё, если на такое вообще можно насмотреться.

— Да.

— Ты только на нашу троицу не держи никакой обиды, сестрица. Ты же знаешь, что у них чуть другие интересы и...

— Я не держу.

Венди искренне улыбнулась, и было видно, что у неё фантастически хорошее настроение. Она умела быть колкой и острой, но в то же время знала, когда нужно спрятать эту черту характера. Сейчас её природа была мягкой и задумчивой. Я, признаться, невероятно любил, когда Венди легонько так, но искренне улыбалась. Именно от этой её улыбки мне почему-то становилось по-настоящему спокойно.

— Я тебя прошу. Сам же знаешь, что я их люблю. И хочу, чтобы они испытали как минимум такие же эмоции, как и я здесь. Но луне сиять ночью, а солнцу — днём. И только так. Поэтому я с ними об одном и том же, но совершенно по-разному.

Я ничего не ответил и поцеловал её в лоб. Потом позволил себе пять минут смотреть в расплывающееся красивое "ничто". Не фокусировал взгляд на чём-то одном и просто позволил ему размякнуть. "Ничто" оставалось собой, но стало и всем сразу одновременно. Какая бескрайняя и бесценная, эта красота. Мы с Венди её хорошо понимали, на мгновение соприкасаясь взглядами где-то посреди полей.

* * *

Я зашёл в Перекрёсток последним и сел на один из свободных стульев. Ледяных дел мастер постукивал ногами рядом и, как он часто это делает, держал руки в карманах флайо. Эстер же, увидев меня, приободрилась и помахала. Она сидела ровно и имела осанку самой порядочной из отличниц. Настоящая противоположность стекающему со стула зеваке-Пракси.

— Ура!

Хлоя и Фрида стояли перед нами и были в прекрасном, просто восхитительном настроении. Они хихикали о чём-то своём, и последующие фразы Хлоя произнесла с улыбкой на лице. Никак они не вязались с тем, что дела и правда пахнут жареным.

— У меня отличные новости. В общем, товарищи, у нас проблема. Ну, не будь проблемы, я бы вас тут не собирала, так же? Спасибо, что проявили инициативу и всё такое, и всё такое.

— Можно Фрида будет говорить? — вмешался Пракси. — Просто уже пастила из слов какая-то начинается.

— Фрида здесь — моя личная декорация. Вы можете смотреть на неё и миловаться, но говорить буду я.

Та скромно махнула рукой и подыграла — закрыла глаза и на пару секунд замерла. Они заняли свои места напротив нас, и вскоре улыбка с лица Хлои спала окончательно. Наш фельцеблер⁹ постучала кулачками по столу и закинула ногу на ногу — она часто так делала, когда начинала что-то рассказывать.

— Слов нет. Всем нам, кто хотел попасть в Чароит¹⁰, повезло. В этот раз нас занесёт именно туда. Хотя здесь такое... — Хлоя насупилась. — Окраины. Скорее, это деревня, чем нормальный город, но потерпим. Суть в чём — там с каждым днём всё больше и больше людей теряют возможность говорить. То есть буквально, да. Судя по полученному письму, они ни с того ни с сего становятся немыми. Шестьдесят три бедолаги, если верить отправителю. Жили себе, жили, и бац... — Хлоя протянула невидимую молнию у рта слева направо. — Представляете?

— А что ж в этом хорошего? — в голосе Эстер явно слышалась досада.

— А?

— Ты сказала, что отличные новости. Но у людей большие проблемы.

— Ага. А у нас работа. Нам платят за то, что мы решаем проблемы. Эстер, доброе утро.

— Я понимаю. Но ничего отличного в этом нет. Отлично будет тогда, когда проблемы не станет, и мы её решим.

— Да. Я это и имела в виду.

---

⁹ Фельцеблер — человек в замке, играющий ключевую роль в ходе полученного задания. Всего их трое: Хлоя, Моника и Сорроу. Всё, начиная от получения запроса, состава группы, стратегии и десятков прочих тонкостей, лежит на плечах Фриды и одного из них, в зависимости от самого задания. Во время любой из операций фельцеблер является беспрекословным лидером.

¹⁰ Чарбит — город на западе Эмиронии, состоящий из центрального региона и большого количества подчинённых деревушек и городков.

— Стоп-стоп. Ну, вопросы, конечно, есть, — вмешался Пракси. — У вас есть догадки? Стратегии? Или мы едем наобум?

— Есть. Мы почти на добрые девяносто процентов уверены, что это какой-то скользкий тип использует свой аромат не во благо. А может быть, их несколько, не знаю. Условно назовём их "Объект Ё". Я с Фридой и Сорроу думали об этом, и других адекватных версий у нас нет. Не знаю только, зачем "Объект Ё" делает это. Может быть, социально неадаптированный, может быть, шантаж, может быть месть или что-то ещё.

— Кто заказчик?

— Староста этой деревни. Приедем и будем отталкиваться от его слов.

— Это понял.

— Интересно, — очередь перешла ко мне, пока взгляд прыгал на каждого сидящего, — а почему ты такую необычную команду решила собрать? Совсем не классический состав. Ты, так понимаю, тоже с нами?

Хлоя была в отличном настроении, и ей хотелось подурачиться. Она понарошку надела на глаза очки и очень уж уверенно посмотрела мне в ответ. Не переигрывала и палку не перегибала, но всё же позволяла себе быть несерьёзной.

— Это не я с вами, а вы со мной. И что тут необычного? Нам нужен человек, который умеет создать всё, что может пригодиться, привет, Эстер, задира, что может помахать кулаками, если какая беда или опасность, человек, что умеет искать там, где другие не ищут, и та, кто решает все проблемы при помощи слов. Поверь мне, Скай, я кому только не предлагала. У Венди праздник чего-то там, половина замка вообще уезжает за океан, а у кого-то звёзды не сошлись. Вкалывать, получается, остаётся нам. Самым ответственным.

Фрида впервые за всё время переняла на себя инициативу. Она часто повторяла информацию о задании, но уже на более серьёзных тонах. Хлоя же часто витала в облаках и могла себе позволить — большинство заданий, на которые она отправлялась, заканчивались быстро и качественно. Это несерьёзное поведение пропадало сразу, когда от неё начинало что-то по-настоящему зависеть. А раньше, считала она, попросту нет смысла рвать на себе драгоценные волосы.

— Ещё раз, ребята. Как сказала Эстер, в этом, конечно же, нет ничего хорошего. У людей пропадает дар речи в прямом смысле этого слова. Вам четырём нужно найти причину, и если это человек, выяснить у него, как предотвратить, и, не менее важно, вернуть

голоса людям, если это ещё возможно. Вот и всё. Вы это сделаете быстро и без особого труда, я не сомневаюсь.

— Оу! — Эстер подняла руку вверх.

— Да?

— А что делать с этим "Объектом Ё"? Заключение?

— Здесь зависит от мотивов. Как по мне, это преступление, но нужно разобраться куда тщательнее. И уже потом можно будет прийти к общему решению. Под вашей ответственностью решить — везти его сюда или разбираться на месте.

— Поняла.

— Мы поедем на омнибусе¹¹? — Такое стоило уточнить сразу, потому что меня волновало, насколько устану по прибытии. — Или нужно будет лететь на Йерни¹²?

— Омнибус, — только Фрида кивнула, и от сердца тут же отлегло. — Дело срочное, но на Йерни вы туда просто не долетите. Хлоя уже разобралась с этим. Завтра к семи утра извозчик будет ждать. И насчёт проживания в Чароите. Послушайте, пожалуйста. У бабушки Эстер в этой деревушке живёт очень давняя подруга, которая сдаёт жильё. Она любезно согласилась подсобить и разместить вас, на сколько потребуется. Хлоя, перестань кривиться, пожалуйста.

— Там просто здоровски! Бабушка много раз туда приезжала и всегда оставалась в восторге. Не переживайте.

— Без проблем, — даже не нужно было поднимать голову, чтобы понять, что Хлоя лукавит.

— Может, ещё какие-то вопросы, ребята?

Я лишь на секунду взглянул на Хлою, но этого хватило, чтобы она как бы невзначай пожала плечами, мол, "ничего не поделаешь, придётся ночевать невесть где".

— Если что, Фрида, они у меня спросят.

— Да. У вас есть ещё целый вечер, вдруг что в голову придёт. В таком случае, надеюсь, всё начнётся и кончится хорошо. Пусть дело и не самое сложное, лучше набраться сил перед завтра. Но если сегодня не придёте на ужин в трапезную — пеняйте на себя!

---

¹¹ Омнибус — вид транспорта, распространённый на Эмиронии. Представляет собой запряжённую животным повозку, что может вместить от одного до пары десятков человек.

¹² Йёрни — бумажное создание, обычно похожее на ската, которое Скай использует для небольших перелётов. Они часто рвутся и промокают, поэтому Скаю приходится создавать новых, но любое такое творение всегда называется одинаково — Йерни.

* * *

Когда количество присутствующих в трапезной переваливает за пятнадцать, то это превращается в целое застолье. Я к такому, впрочем, уже давно привык. Зачастую именно столько людей и собирается за длинным овальным столом во время завтрака и ужина. Столько или около того.

Были те, кто привык сидеть строго на своём месте, а были и столовые кочевники — за какой стул ухватятся, тот и будет считаться их ровно до конца трапезы. Меня в этот раз занесло подальше от центра, и я то и дело не мог дотянуться к самому вкусному. Сидящая напротив Кейтлин не побоялась бы и лечь на стол, если понадобится, но я на такие авантюры готов не был. Мог бы попросить передать других, но не хотелось никого отрывать от разговора или мыслей. Наверно, я был не так голоден, потому и довольствовался тем, что стояло рядом.

— Леди-револьвер, — обратился я к подруге, — скажи, а как ты вообще ешь в портупее? Это ведь жутко неудобно, нет?

— Неудобно?

— Мне кажется, что очень. Разве нет?

— Милый! — чуть не подавилась та. — Слева от тебя сидит человек, который ходит в огромной птичьей маске. А через три стула Пракси, который постоянно носит в шарфе и варежках. И Сорроу со своей молекулярно-какой-то-там-опасной зубочисткой¹³.

— И Фроуд, который пришел себе кисть, — совершенно спокойно заметил сидящий справа от меня Эйдан.

— И Фроуд, с кистью, да! Да тут вообще своеобразные люди, не находишь? А ты меня спрашиваешь, почему я сижу в портупее? Да я тихая мышка на фоне всех остальных. — Она отодвинула свою тарелку в сторону и наклонилась вперёд. — Давай я объясню...

— Н...

— *Я объясню!* — после того, как молчание ознаменовало разрешение говорить дальше, Кейтлин выпила стакан воды и продолжила: — Чтобы выглядеть странно, много причин не нужно. Клятва, эпатаж, чувство стиля, любовь к своему аромату, гороскоп и то, как сошлись звёзды. Тебе ли не знать, скажи? Зачем же ты меня неловкими вопросами кошмаришь, а?! Ну ношу и ношу. Точка!

---

¹³ Речь идёт о Флавитоне — холодном оружии Сорроу, которое с помощью правильно реализованного аромата способно наносить очень тонкие разрезы.

— Эй-эй, полегче. Скай же спросил, не почему ты носишь портупею, а удобно ли тебе в ней за столом, — поправил Эйдан, на что Леди-револьвер простодушно просто пожала плечами. — Не кипятись ты от нечего делать.

— А, он об этом? Ты об этом, Скаюшка, да? Ну если так, то ещё как удобно. Не жмёт.

Эйдан несколько раз крякнул, но Кейтлин жестом попросила: мол, успокойся. Я же не сомневался, что пока она не выговорится, то и слова вставить не даст. Гаркать без агрессии я не умел, так как гаркать не умел вовсе, потому кивал и про себя благодарил Эйдана, что он вовремя вмешался.

— Вот что забавно, дорогуши. Все куда-то намылились. Скай с командой на задание, мы в Хикаридус, а некоторые вообще плятятся на затмение. Ты ведь, Эйдан, тоже хотел куда-то рвануть.

— Это... пустое. Так, пешая прогулка.

— Во-о-от. Наоборот! — Кейтлин наклонилось ещё чуть сильнее, чем до этого. — Мне, знаете, нравится эта тенденция. Движение куда-то, ритм, пусть и в разных местах. Кошмарно скучно сидеть на одном месте днями. Поэтому я даже в приподнятом настроении сегодня. Все хорошо проведут время. Весело. В движении, а значит — с пользой. Хотя пешая прогулка и Чароит — это, конечно, ни в какое сравнение.

— Ни в какое сравнение с чем?

— С концертом. Вы знаете, на чей концерт мы едем?

Те только пожали плечами. Тогда Кейтлин эпатажно откинулась, закинула ноги на соседний стул и уже сидела к нам вполборота. На лице появилась улыбка, будто она любезно делилась важнейшим секретом из всех, что знала.

— Адмирал Эстёбника.

— Откуда-откуда? — поморщился Эйдан. — Из Тёбника? Это где такое вообще?

— Ну да, ну да. Я, знаете, не сказать, что разочарована в вас, потому что изначально надежды были небольшие. Не откуда, а кто. Адмирал Эстёбника — это самый громкий звук нашей планеты. И самый яркий цвет. — Кейтлин отпила воду из стакана, покрутила его так, будто это было вино в бокале, и продолжила: — Есть такое понятие, как "мононим". Это когда имя говорит само за себя, и нет других таких на всём свете. Адмирал Эстёбника как раз из таких. Не просто человек, а основополагающее понятие. Адмиралы? Да их полно! Но Эстё-ё-ёбника... Понимаете?

— Относительно. Других Скаев я тоже не встречал. Значит, я тоже один в своём роде?

— Ты милый, но всё ещё дурья башка. Это не так работает.

— А почему он адмирал? — поинтересовался Эйдан.

— У него просто яркое прошлое. Он кем только не был... И так, по порядку: пирожником, дегустатором хлеба, дармоедом при дворе, нанизывателем червей на крючки у вельмож, рекордсменом по сну со сжатыми кулаками, пиратом-интровертом, а потом и адмиралом рыболовли восточного Хикаридуса. Правда, всего четыре дня, после чего стал музыкантом. Ну а звание — это так, приятный бонус из прошлого. Так и появился Адмирал Эстёбника.

Мы с Эйданом переглянулись, и всё, на что нас хватило, — пожать плечами. Кейтлин, кажется, сочла это за какой-то жест восхищения и сама согласно закивала головой.

— Ну а насчёт вашей поездки, — напомнил я. — Думаешь, получится уговорить Венди?

— Та-а-ак, я тебя прошу, мы же все трое знаем ответ. Она даже слово “ведьма” считает комплиментом, какой Хикаридус? Но! — у Леди-револьвер загорелись глаза, и она радостно хлопнула в ладоши. — Вы сейчас прямо здесь на месте и умрёте. Ситуация в корне поменялась. Знаете, кто только вот согласился поехать с нами? Знаете? Не знаете вы ничего.

— Это кто-то более неуместный, чем Морти? — крикнул Эйдан, переходя к десерту. — Сорроу?

— Не перегибай. Сорроу и Глэдис я меньше всего представляю в том месте, куда мы едем. Серьёзно, если бы я увидела их там, я бы прострелила себе висок, чтобы убедиться, что не сплю. И кого-то бы попросила хорошенько добавить.

— М-м-м... Мия? — мне захотелось поддержать эту игру с угадыванием.

— Это... такая потеря, — горько произнесла Леди-револьвер. — Так хотелось бы, но она сейчас вся в развитии аромата. Хочет тренироваться, пока горит, лапочка. И это правильно. Пусть тратит пули, покуда порох имеется. Это выражение я сама придумала.

— Стой-стой, я знаю. Кажется, знаю ответ. Это Сандер.

— Эйд, Сандер тоже будет пляться на затмение. Вместе с Венди. Кейтлин махнула рукой, чтобы тот перестал угадывать, и жестом подозвала обоих к себе. Я чуть привстал, наклонился вперёд и посмотрел туда, куда взглядом указала подруга.

Моника накручивала волосы на палец, слушала Парадокса и что-то ему отвечала. Ничего, что отличало бы этот разговор от других.

— Мон-мон?!

— Да, Мон-мон. Металл сломлен, броня пробита, сердце поражено, — самодовольно ответила Кейтлин.

— Но это странно, — вмешался Эйдан. — Хлоя — на задание, а Моника — вообще на другой материк, чтобы музыку послушать. Разве нормально двум фельдцелерам отсутствовать одновременно?

— Начина-а-ается. Выключай свою внутреннюю Эстер, Эйд. Есть Сорроу, есть Глэдис, есть ещё куча людей с котелком на плечах. Я бы одному только Вилсону доверила наш замок. Кто-кто, а он запросто справится. Если только, ребятки, мы не завербуем его в наши ряды.

— Я советую сразу бросить эту затею.

— Зря ухмыляешься. Наш потенциал огромных масштабов, так что выложимся на максимум. И вообще, я вас тоже прошу выложиться на максимум, а? Хочу заключить маленький спор. Без выгоды, азарта, вот этого всего. Просто на интерес, как вам? — она звучала чуть серьёзнее, чем обычно.

— Ну, что тянешь? Какой спор? — поторопил Эйдан.

— Спор ощущений. Понимаете, я знаю, что день концерта будет один из самых ярких в моей жизни. Это мои ощущения, но мне интересно узнать ваши. То, как много вам, Скай, даст поездка в Чароит. А тебе — твоя пешая прогулка. И нашей ведьме — это её долгожданное затмение. Разные люди в разных уголках будут ощущать яркие эмоции, но каждый свои. И когда мы все вернёмся домой, мне интересно поделиться тем, что мы испытали. Поверьте, здесь может быть что-то поинтереснее, чем догма, что всё всегда субъективно. Я вот запомню самый яркий момент из всей поездки. Думаю, я даже буду осознавать его в то мгновение, когда он будет происходить. Осознавать и думать о вас. А вы запомните свои, хорошо?

— Хорошо, только есть одно "но".

— Но?

— Но. Я ведь еду на задание, а ты — на мероприятие, на которое мечтаешь попасть. А Эйдан так и вовсе просто прогуляться решил. Как такое сравнивать?

— Ребятки, ну вы же оба — чуткие личности, вы-то должны понимать. В этом и соль — в разнице. Любое путешествие — от простой прогулки до поездки на другой континент — это всё равно путешествие. Даже солнечное затмение — это какой-то другой вид удовольствия, может, не совсем мой, но в этом и шарм! Главное — словите тот самый момент. Словите, чтобы потом рассказать о нём.

Только, надеюсь, вы ведь не из тех, кто будет преувеличивать яркость событий, чтобы победить? — повезло, что Кейтлин принялась сверлить взглядом не меня.

— Не знаю, что я смогу выжать с обычной прогулки. Но попробую. Обсудим, но на победу не претендую.

— Умница, Эйд, вот это мне и нужно. Краски жизни. Запомните их.

— Мне нравится, — в такие игры мне было интересно играть. — Будем сравнивать прогулку, путешествие в Чароит и величайший концерт в мире. Странно это, но почему бы и нет?

— Именно, почему бы? Я вот умею сравнивать вообще всё. Я, например, люблю марципан больше, чем спать днём, хорошие шутки люблю больше коров, а револьверы куда сильнее, чем книги с мелким шрифтом. Ну а между дождевыми червями и оливковым цветом я бы с натяжкой выбрала первое.

Я прекрасно понимал Кейтлин, потому что она оставалась собой. И спор оказался в её духе, и болтовня так тем более. Но мне достаточно было перегляднуться с Эйданом и по одному только неловкому взгляду понять, что у нас такого таланта нет. Не умели мы сравнивать то, что настолько далеко друг от друга.

— Ладно, сравнения сравнениями. Нам, господа-путешественники, предстоит найти тот самый момент. Найти и запомнить его на всю жизнь.

Кейтлин положила руку ладонью вверх, и что я, что Эйдан соприкоснулись лишь средними и указательными пальцами. Вышло подобие трилистника — обычный жест клятвы для троих людей.

Рано утром их ждал омнибус. Ранний подъём всегда бодрил Эстер сильнее, чем пробуждение ближе к полудню. На других не было лица, и это, конечно, выглядело скверно. Утренняя природная энергетика — вещь очень, очень сильная, и никому не стоило пропускать её мимо. Достаточно было встать, широко раскрыть глаза, выпить стаканчик воды с лимоном и ощутить холодный весенний ветер, который заряжает чуть ли не на целый день.

Омнибус оказался большим, состоящим из двух отсеков для пассажиров — заднего и того, что около извозчика. В дорогу их провели Фрида, Мортимер и Моника. Фрида — потому, что всегда

всех провожает, даже если очень хочет спать (*но только зачем так себя мучить?*), а остальные — потому, что были ранними пташками и, как сама Эстер, тоже чувствовали эту утреннюю энергетику природы.

— Кстати-кстати. Я видела это прекрасное зрелище с крыши. Ну, между тобой и Мией. Шикарно выглядело, — отдала какие-то абсурдные почести Хлоя.

— Не знаю. Спарринг как спарринг.

— Она как в бою? Крепчает?

— Постепенно. Стала развязнее, чем вот та неуверенная пушинка, когда только к нам пришла. Умница, — ответил Пракси. — Но любой удар, который летит не прямо в лоб, почти всегда пропускает. Ей пока сложно смотреть и что там сверху, и по сторонам, и внизу. Но ей нужно что?

— Прак...

— си...

— ...ка! — они с Хлоей по-дурацки воскликнули, якобы были на одной волне... — “Праксика”, верно! Практика с Пракси. А если без дуростей, то ей бы больше тренироваться со всеми нами. И нужно желание. Но желания у неё больше, чем бабочек у нас в оранжерее.

Хлоя вопросительно глянула на Эстер, но та не хотела отвечать. Тогда она перевела взгляд на Ская, и он пожал плечами.

— А ты желание в бабочках измеряешь?

— Много. Я имел в виду много.

— Если что, — Эстер пыталась не звучать грубо, — то одна серьёзная травма может всё это желание свести к нулю.

— Может, Эст. Но бывает и так, что оно пропадает из-за того, что ты это желание никуда не направляешь. Вот и выходит, что я не даю Мие скучать.

— А ты не думал попробовать себя в Крае¹⁴? — вмешалась Хлоя и увела разговор за собой.

— Брось ты...

— Нет-нет, не брось. Не брось! У тебя презентабельный аромат, понимаешь? Визуальный отпад. Он не хаотичный, не скучный и ты им блестяще владеешь. Так что я тебе говорю как человек, который знает, какие зрелища предпочитает толпа. Призадумайся.

---

¹⁴ Край — арена в восточном государстве Ренво и Хеккет. Там сражения с помощью аромата возвели в ранг искусства, и именно в Крае можно увидеть самых умелых носителей и самые удивительные ароматы. Этот вид развлечения возымел такой успех, что люди готовы приехать с разных уголков Эмирони, лишь бы вживую посмотреть на такое зрелище.

Парень только приподнял брови, но не стал возражать. Даже когда омнибус тронулся, они с Хлоей продолжили болтать о своём. Эстер же стало тоскливо. Наверно, из-за того, что засмотрелась на ладонь с этими её знаками судьбы. Интуиция всегда оставалась с Эстер, и эта самая интуиция была тем внутренним спутником, которому можно было доверять всегда. Иногда она передавала едва уловимые ощущения, а иногда прямо кричала. И вот именно сейчас — самый громкий возглас за всю вес... Да чего уж там, за всю жизнь! Да. Да, это дело оказалось первой важности. Интуиция говорила:

Сейчас эпоха Постигающего¹⁵, девочка. И тебя, рождённую под двумя Звёздными Мастями, тебя, чья заветная цифра семнадцать, чьё время года осень, а вовсе не весна, тебя, имеющую переменчивую звёздную вуаль деу, ждут сложности. Это будут события, которые не под силу изменить ни тебе, ни твоему Плотному духу. Ты должна принять всё это как уверенная в себе взрослая девушка!

Эстер аж передёрнуло от волнения. Она оторвала взгляд от ладони и вынырнула из потока мыслей. Кажется, никто не заметил. Хлоя и Пракси спорили о какой-то чепухе, о драках и сражениях. Эти темы портили настроение, тем более, когда речь ещё и заходила о Мие. Она молчала, особо не слушала и просто-напросто сжигала время.

Скай сидел в передней части омнибуса, ближе к извозчику (*видимо, не одной ей все эти драки были не интересны*). Он приоткрыл окошко и упёрся головой на кисти, наблюдая за пейзажами. Эстер надоело — она прошла через небольшую дверцу в другое помещение, где находились их сумки с одеждой, немного мебели и один тихий человек. Галдёж остался позади.

— Нервничаешь, Огонёк? — он слишком хорошо умел её читать, чтобы начать что-то отрицать.

— Да. Серьёзные проблемы... Личного характера, скажем так.

— Нехорошо. Нехорошо звучит. Ты в ступоре?

— Нет, почему же в ступоре? То есть да, я их боюсь, проблем. Но пытаюсь исправить, как могу.

— Расскажешь?

---

¹⁵ Постигающий, именуемый Летáро — одно из четырёх лучистых божеств. Является воплощением восприятия как в привычном, так и в самом широком смысле этого слова. Последнее подразумевает собой то, как живое существо, будь то человек или муравей, видит этот мир. Это всевозможные цвета, образы, запахи и порой даже то, что выходит за рамки органов чувств.

— М-м-м... — ногтем она начала легонько надавливать на подушечки пальцев. — Пока нет, не могу. Иначе точно сбудется.

— Зная твои кошмары, мы в любом случае найдём, что делать.

— Думаешь?

— Да. Думаю.

Эстер легла спиной на маленький диван и снова уставилась на свою ладонь, будто ничего другого и не было вокруг. В этот раз ей не дали сосредоточиться. Дурацкий смех Пракси отвлекал. Они там с Хлоей болтали о своём, и вообще! Кошмар. Одного поля ягоды в самом плохом смысле. А может быть, это с ней что-то не так, а те двое — ягоды как ягоды, ничего такого. Кислые и терпкие, в чём-то даже противные, но вполне съедобные.

Дело, может, и не в них было. Пракси с Хлоей всего-навсего обсуждали место, в которое они ехали. В Чароите кроме Ская никто до этого не был. Но Пракси рассказывал, как катался по горам в Аоле. Совершенно один и без страховки. Это, наверно, весело, но ведь одна ошибка, и можно переломать ноги. Родом он был из Райдэ¹⁶, — столицы маяков и одного из самых красивых городов на материке, если верить тем, кто любит путешествовать.

Хлоя тоже много где была. Из-за делегаций, переговоров и заданий ей удалось посетить ещё больше кусочков Эмиронии, чем Пракси. Чего уж говорить о Скае. Ежели кого-то с ним занесёт в самый отдалённый городок, на самую пустынную улицу, или вообще Вездесущие¹⁷ не пойми куда, Скай из тех людей, кто скажет: “О, здесь я уже однажды бывал”.

А вот Эстер нигде не была. Она только сейчас словила себя на этой мысли. В Стеоксе¹⁸ родилась, в Стеоксе и состарится, видать. Иногда получается посетить Мейярф¹⁹, но там были все из Орторуса, даже домоседы вроде Фроуда.

---

¹⁶ Аоль и Райдэ — далёкие друг от друга города Эмиронии.

¹⁷ Вездесущие — божества Эмиронии, что делятся на две группы — плотных, символизирующих осень, и лучистых, олицетворяющих весну. Когда меняется время года, меняется и господствующий Вездесущий, а с ним и сама природа. Вера в божеств и связанная с ними философия называются “Трезамика” и являются одним из основных столпов культуры, связывающих буквально каждый город и деревушку по всей Эмиронии.

¹⁸ Стеокс — город на самом юге Эмиронии, который в большинстве своём состоит из множества посёлков и деревушек. Место это населено негусто, и почти все жители города — это люди, которые тихо живут в своих домах посреди полей и лугов. Именно на юге Стеокса и был построен Орторус.

¹⁹ Мейярф — столица Эмиронии. Является самым большим и густонаселённым городом на Виоландо.

— Эстер, — Скай сел рядом, аккуратно уложил её голову себе на колени и начал гладить по волосам, — знаешь, там, куда мы едем, есть большие рынки. Вот там — рынки с чем угодно, как-то уж так повелось. Рядом с колбасным рынком может быть книжный, а рядом с ним — рыбный. Всё очень близко друг к другу. Даже есть слух, что всех книги и одежды пахнут мясом, и наоборот. Знаешь запах только-только обработанной кожи? Как представляю, что так пахнет ломоть мяса, так дурно становится.

— Правда? А сам сталкивался?

Ей и впрямь показалось это забавным. Подумалось, что не могли же люди привыкнуть к таким необычным вещам, как еда, пахнувшая невесть чем, или мясо, пахнущее одеждой. Ну не могли же?

— Нет, я не по рыночным делам. Но там ещё есть и цветочный рынок. Так как любишь цветы, тебе будет чем полюбоваться.

— Фу, — она не сдержала улыбки. — Я не хочу покупать цветы с запахом рыбы.

— Чего ты? Одуванчикам идёт запах колбасы, не выдумывай. Любое сердце растопит.

— Да. Знаешь, а вот интересное сочетание. Надеюсь, мы будем проходить этот рынок.

— Будем. Даже если окажется не по пути, я всё устрою.

— Тогда договорились. Спасибо тебе.

Эстер обняла руку Скай и прикрыла глаза. Она редко могла потянуться к кому-то первой, но с этим человеком любой контакт был естественным. Что-то играло между ними, очевидное для обоих, но не произнесённое вслух из-за ненадобности. У них не было моментов неловких и неуместных, оттого, в зависимости от скорости сердцебиения, соприкасались их взгляды, подушечки пальцев или губы.

Ей нравилось касаться руки и чувствовать мягкий запах чужого тела. Не каждого бы Скай подпустил так близко, и уж тем более не в объятия каждого Эстер легла бы вот так легко. Между ними была не просто связь, а важное переплетение романтического, заботливого и по-настоящему дружеского. Какое название этому ни подбери, Эстер эта связь казалась слишком многогранной, чтобы описывать парой слов. Этот мысленный поток грел и отгонял страхи, потому Эстер удалось избавиться от навязчивого и задремать на крыльях своей любимой птицы.

Однако спала она недолго.

— Слышишь? Смотри, какая красота, Огонёк. Глянь, оно того стоит, — Скай легонько потряс её за плечо.

Нужно было лишь выглянуть в окошко, чтобы понять, о чём он. Омнибус заехал на холм, откуда была видна тусклая-тусклая радуга. Она едва соприкасалась с городом и уходила куда-то вдаль, где люди не живут. Эту картину Эстер запросто могла назвать волшебной. Радуга в целом считается очень положительным символом — так ей сказали, когда гадали на картах (*или речь шла о гало, но, кажется, всё же радуга*). Хороший знак! Может, в её судьбе ещё не так уж много дров наломано, может быть, ещё есть шанс на нормальную жизнь.

— Да... Красотища.

— Очуметь! — Пракси нырнул к ним, но ударился головой и споткнулся. — Вот паскуднятина! Смотрите, там радуга. Только башку вбок нагнуть нужно. Вы видите?

Эстер кивнула. Тот сразу встал, обтрусился и стал серьёзным. Эти его переходы от глупости к зрелости иногда происходили слишком резко.

Хлоя, кажется, даже не смотрела на эту красоту. До конца дороги она оставалась весёлой, какой и любила быть. Жаль, что она не умела ценить такие моменты, было ведь в них что-то важное. Хлоя вечно пропускала такие вещи мимо глаз, сколько ни тычь пальцем в небо. Пракси же хмурился, о чём-то думал и был единственным, кто до конца поездки не проронил ни слова. А Скай оставался Скаем. Для Эстер он был тем редким человеком, за которого она практически никогда не волновалась и не переживала, что его душа расцарапана кошачьими коготками. Вот смотришь на человека и видишь как есть. Насколько же удивительное качество, словно радуга вдалеке!

Омнибус наконец остановился. Ноги онемели, но для меня это приятное чувство. Я спрыгнул первым и подал руку Хлое, затем Эстер.

— Итак, сейчас будет сальто. Все смотрим.

— Пракси, просто дай руку и просто спустись.

— Э-э-эй, уважаемый! — насупился Пракси. — А ну с пути прочь.

— Дай руку, сказал. Не чуди.

— Нет. Либо сальто, либо я не слезу вообще никогда.

Хлоя дружелюбно закатила глаза, давая тому знак, что не стоит паясничать. Я этого поведения совсем не понимал.

— Нет, Хлоя, у меня есть принципы. Что за неуважение такое? Куда делось хотя бы “пожалуйста”?

Та учтиво подошла, протянула ему руку и произнесла заветное слово. Пракси благодарно кивнул и тоже спрыгнул на землю.

— Ваши ножки не болят? Всё хорошо, ваше высочество?

— Всё хорошо, челядь. Но можете отполировать мои варежки и шарф.

— Это уже слишком... — тихо буркнула Эстер.

— Ладно-ладно. Это шутка. Хохма, прикол. Юмор. А то ещё пообижаетесь тут все. Что дальше, куда идём?

— Вон через ту арку — начало города.

— Начало деревни, Скай.

— Как скажешь. Вон, начало деревни. На той стороне, видите? Вход с южной стороны, а мы сейчас, скорее, на западе. Тропинка ухабистая, поэтому немного прогуляемся пешком.

Городок находился на том берегу, и единственным препятствием между нами было широкое озеро, которое нужно было обойти. Само селение начиналось плавно — никаких тебе высоких стен, делящих городок строго на “внутри” и “за его пределами”. Там, за аркой, появлялись редкие заведения и группки людей, вот и все отличия. И чем дальше вглубь, тем их, понятное дело, становилось больше, потому, поди различи, где эта чёткая граница города находится. Местные считают южным рубежом именно эту арку, а я чароитцев люблю, потому всем сердцем им верю.

— Давайте к арке, а там я покажу, куда идти. Пойдём. Сейчас лучше налево — там мост ближе.

Первым по тропинке шёл я, за мной — Хлоя, а потом — Эстер и Пракси.

— Немного фактов о Чароите, может, кому интересно. Это такое, знаете, довольно активное местечко с относительно быстрым темпом жизни. Тут много рынков с едой, разных национальных блюд...

— Ты сейчас о центральном городе или вот об этих предместьях?

— А это всему Чароиту присуще, Хлоя. Не думай, что это какая-то дыра, нет. Тут очень интересная кухня. Жуть как любят чеснок, добавляют его экстракт в...

Послышался мощный грохот. Огромная ледяная плита что было силы шмякнулась о воду и стала чем-то вроде моста между берегами.

Эстер и не думала сдерживаться. Это был взрыв — сочетание волнения и злости.

— Ты вот... Ты в своём уме?! Какой же ты странный, кошмар! Я не нахожу слов. Просто не нахожу! У тебя в голове хоть что-то есть, а? Ну вот скажи мне!

— Я — мозг, — Пракси постучал по виску. — Зачем обходить, когда вот прямая дорога? Сэкономим время.

— Это не значит, что нужно швыряться льдом куда попало. У тебя не такой незаметный аромат. Вон же люди стоят, они же... О боги! Ну, скажи ему что-то, Хлоя!

— А в чём проблема-то? — спокойно поинтересовалась та.

— В появившемся из ниоткуда огромном пласте льда. В нём.

— А... — она глянула на ледяную глыбу. — И?

— Какие ещё "и"? Есть правила...

— Неписанные, Эстер.

— Хлоя! Что значит неписанные? Ты наш лидер как-никак, ты должна всё организовывать, а не поощрять произвол.

— Я решаю поставленные проблемы, а не копаюсь в папках с надуманными правилами.

Эстер была возмущена — мне редко доводилось её видеть в таком расшатанном настроении. Хлоя парировала каждое слово со спокойствием и пренебрежением, и это лишь сильнее разжигало Эстер.

— Решаешь одни и закрываешь глаза на другие.

— Да, однозначно закрываю. Немые люди и кусок ледышки на воде — это проблемы очень разных величин, Эстер.

— Не все хорошо относятся к носителям, ты же знаешь это. Зачем рисковать, боги, ну зачем?

— Это деревня, в которой половина жителей разучились говорить. Что они с нами сделают, наколют на вилы?

— Да причём тут! — Эстер вышла из себя и крикнула уже с раздражением. — Это легкомыслие! Ты сейчас говоришь легкомысленно. А лидеры так делать не должны.

— Вот будешь на моём месте — начнёшь диктовать условия, — прыснула Хлоя и приложила указательный палец к губам. — А пока тсс-с.

— Вот та-а-ак, значит, да?

Эстер запнулась, старалась подобрать нужную фразу, но я решил встрять в разговор.

— Извини, Эст, перебыю. Вы знаете, я же не летаю на своём скате вдоль и поперёк, а? Ну что нам тут пройтись? Куда лучше, чем

шагать по куску льда и привлекать внимание незнакомых людей. Всё же есть какая-то тактичность и минимальные, ну... меры безопасности, понимаете?

— Новость-то.

Хлое не удавалось и дальше выглядеть серьёзной, и та принялась давиться смехом, прикрывая рот ладонью.

— Не бери в голову. Я просто удивилась, что Йерни — это скат. Думала, наволочка или скатерть с хвостом. Без обид.

— Без обид. Но я сейчас о том, Хлоя, что нужно держать середину. Я тоже против использования ароматов настолько открыто в чужом городе.

— Я же и не настаивала. Только, пожалуйста, больше без истерик. Мы сюда не топтать ножкой пришли.

Эстер не нашла что сказать в ответ. Было видно, что ей обидны эти слова, но она увела взгляд и промолчала.

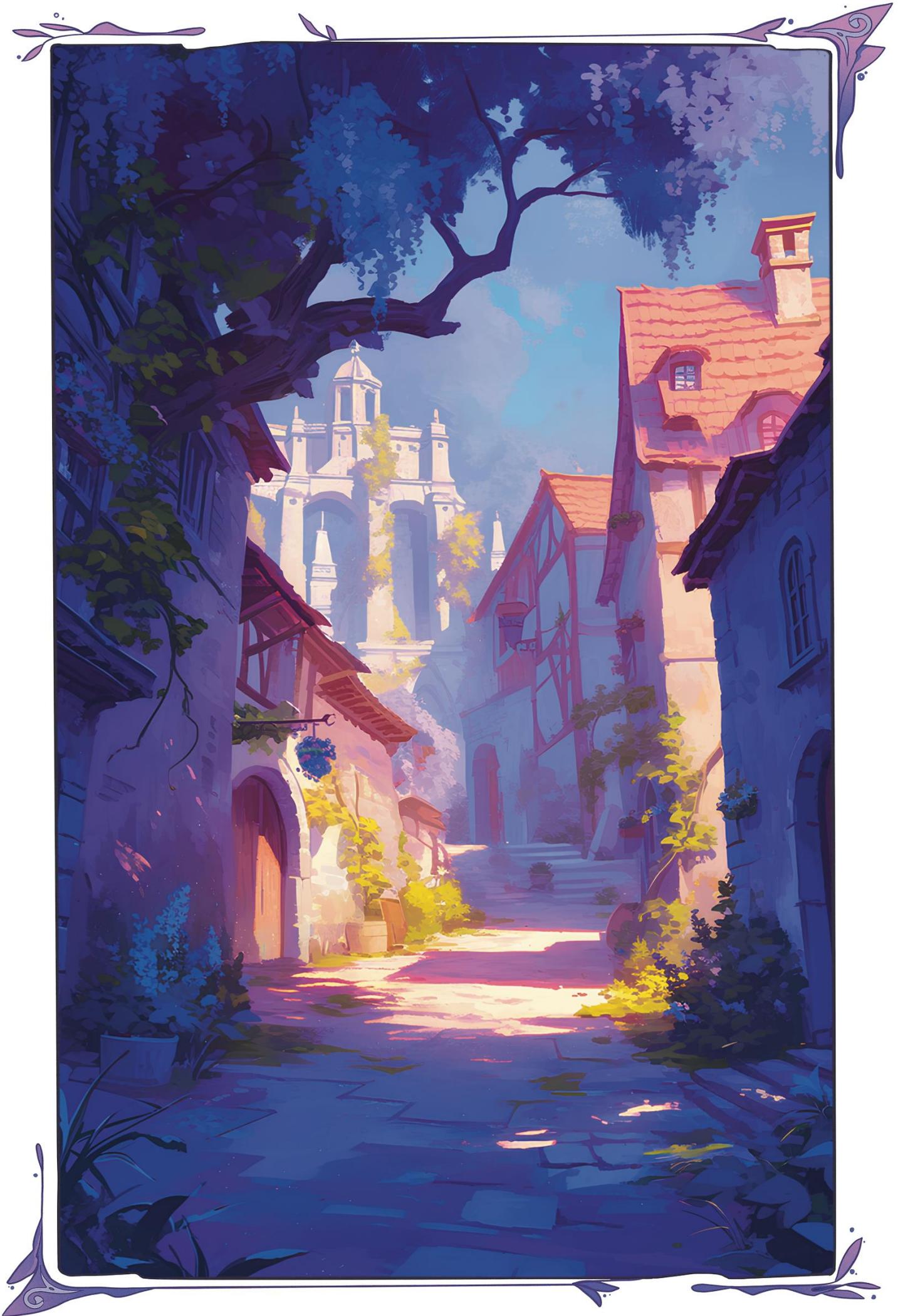
— Всем говорю. И тебе, и себе, и ей, и всем. И тебе, Хлоя. Всем. Давайте не будем прибегать к аромату без острой необходимости.

— Ноль проблем, — добавил от себя Пракси. — Чё, мне топить лёд?

Стоило лишь кивнуть, как огромный слой льда быстро сжался в маленький кубик и растворился. Прогулке пешком, в конце концов, быть.

* * *

Мы миновали арку. Никаких площадей, статуй и прочего гигантизма. Центральные улицы здесь были размером с самые узкие из переулков Мейярфа. Чароит всегда напоминал мне сонного кота, в гости к которому пришли незнакомцы. Для него и полдень — это невероятная рань. Городок приоткрытым глазом глянул на нас, вяло махнул невидимым хвостом, вызвав ветерок, но не стал шипеть на гостей. Уютные жилые улицы виляли то вверх, то вниз, то снова невесть куда — выбирай любую и ни за что не разочаруешься. Казалось, ещё толком никто не проснулся, но даже в разгар дня здесь не встретишь то, что принято называть "толпой". Так, небольшие группки прохожих, которые ходят без спешки и стараются даже не стучать каблуками. Хоть и далеко не центральный Чароит, но как же легко заметить, что за этим местом ухаживают и любят его. Остаётся только уловить этот убаюкивающий шарм, который не понять туристам, что ищут ярких ощущений.

Первое, с чем обычно ассоциируется Чароит и его предместья — фиолетовый цвет. Здесь всё засажено и раскрашено им настолько, что когда возникло слово «фиоль», оно не показалось местным странным. Мой дом — край зелени, дом чароитцев — царство фиоли, но всех нас объединяет одна необъятная синь, которую мы зовём небом. Вот и выходит, что Чароит — совсем непривычные оттенки что нам, что северянам, но для местных это обычное зрелище. Зелёный тоже иногда пестрит, но мне он давно приелся и врос в сердце, потому его я замечаю в последнюю очередь.

Пракси держал руки в карманах и с интересом осматривался. Любопытству Эстер не было равных. Мне нравилось, что её прельщали эти улицы, но Хлоя никак не давала уйти в любование с головой.

— Всё, я устала. Почему этот город такой холмистый?

— Уже четвёртый раз! — Пракси сел на лавку рядом с нами. — Почему я иду, и всё нормально? Вон, ноги не стёрлись, смотри.

— А у меня стёрлись. В кровь.

— В кровь?! — охнула Эстер.

— Да, дорогая моя. Ты не слышала, что я иду, и у меня в обуви там всё хлюпает? Что это, по-твоему?

— А почему ты сейчас только говоришь, Хлоя? — испугалась та.

— Придумал. Просто поменяйтесь обувью, делов-то. Давайте, девчата, снимайте. Тебе, Хлоя — новенькие и красивые. А Эстер — те, которые жмут и запачканы кровью.

Хлоя подыграла и поспешила расстегнуть молнию. Огонёк с явным недоумением на лице тоже потянулась к застёжке на своей обуви. Пракси не выдержал и засмеялся раньше времени. Им с Хлоей такие забавы нравились. Раз Эстер улыбалась с ними, значит, всё было хорошо. Признаться, я не долго наблюдал. Меня заинтересовало другое.

Перед нами была уже вторая аллея, на которой росли высокие деревья, что сливались в арки и образовывали целые навесы. Одно загляденье, но осенью здесь вполне вероятно может засыпать по колёно. Увязнуть в море листьев — весьма веская причина не прийти на какую-то из важных встреч. Я подумал, что хотел бы нырнуть в огромную кучу фиолетовых листьев. Жёлтые и зелёные меня почему-то так не привлекали. А в фиолетовых я мог бы по-настоящему утонуть. Главное, чтоб не с концами.

Хлоя отдохнула, и мы двинулись дальше. Город уже просыпался: пожилая пара поливала цветы, пара детей бегала друг за другом в попытках отобрать палку, а птицы начали звучать ещё громче. Хлоя

устроилась рядом с Эстер, и теперь они шли рядом как две хорошие подруги. Она любезничала, но не подобострастно, а с искоркой ребячества. Любила Хлоя мурлыканье вместо простых разговоров.

— Лапочка, вот мне интересно. Я как сказала про Чароит, даже без деталей, так ты уже всю предложила свою кандидатуру. Чего так, если не секрет?

— Хочу как можно чаще ездить на задания за Стеокс. Вот и всё.

— Так надоел?

— Нет. Нет-нет. Просто хочу мир повидать. Я в Стеоксе слишком долго прожила. И вся жизнь там, и что ни задание, то Стеокс или Мейярф. Я даже снега никогда не видела. Разве это не кошмар?

— Хорошая мысль. Только ты постепенно, не спеши. Тебя Кейтлин со своим концертом не доставала?

— Было. Но я отказала.

— Правильно. В такую даль, как Хикаридус, сразу соваться не стоит.

— Да какой там Хикаридус такой домоседке, как я? Мне бы сперва понять культуру нашей Эмиронии для начала. Мне уже здесь так странно находиться, а ты мне про Хикаридус...

Они болтали, пока я наблюдал за тонкостями города. Не за рядами, где что-то продают, и не за количеством людей на улице. Я смотрел на чармиты²⁰, гордость этого города, я слышал запах рыбы, которая ещё шевелится в вёдрах, но скоро перестанет, я проводил пальцами по кирпичной стене, что была холстом для местных детей. И я заметил, что облака здесь почти всегда слоисто-кучевые. Эту красоту не описать тому, кто их не видел. Вполне вероятно, они забыли, как менять форму и исчезать. Такой грустный сценарий не исключён.

— А ты, Пракси? Ты же не любитель пустяковых заданий, чего с нами намылился?

— Честно тебе сказать?

— Можешь соврать, но у тебя это обычно вяленько получается.

— Я сюда приехал ради... ну, знаешь, ради своего, — сказал тот.

— И пожалуйста, чтоб я тебя не упрашивала.

— Да не нужно упрашивать. Просто я много раз слышал, что в Чароите и его окрестностях девушки — ну просто незабываемые. Одни говорят, что красавицы, другие — что величайшие умы всего материка. Сходятся люди в одном — дамы здесь прямо совсем

---

²⁰ Чармиты остроконечные — деревья с фиолетовыми листьями, что являются достоянием Чароита. Это не единственные растения с таким оттенком здесь, но именно чармиты стали символом города, который узнают даже за рубежом.

особенные и прямо ну совсем неповторимые. Я по большей части приехал узнать, так ли это.

— И как?

— А что я тебе так быстро скажу? Мы только впёрлись в эту деревушку.

— Как это что? Раз, — Хлоя показала на себя, потом на Эстер, — два как минимум. И обе в Чароите. Две чароитские красавицы и величайшие умы материка!

— Вот свезло, — тот поджал губы, показывая, что шутка не смешная. — Вы и вне Чароита тут как тут. Нет, это не то. Вас мне сложно судить. Кто же... Кто?..

Пракси щурился, смотрел на всех проходящих людей, не только на девушек, и бросал взгляд обратно на Хлою с Эстер. Скорее всего, это он так сравнивал. Для некоторых наш Ледяных дел мастер выглядел слишком подозрительно, потому на лицах прохожих читалось недоумение.

— К слову, — встрял я, — если кому интересно — здесь очень интересные азартные игры.

— Да? А ну-ка, что в них интересного?

— Во всём мире, где я был, ты платишь деньги и участвуешь в чём-то. Играешь, правильно?

— Да-а-а. Прально, — заинтересовался только Пракси — остальные двое отвлеклись на спящую капибару у озера.

— А здесь тебе платят деньги, чтобы ты согласился принять участие. Ну вот, например, конкурс с фруктовым кремом. Платят тебе, и задача — нажать на три из шести педалей с завязанными за спиной руками. Перед тобой, чтоб вы понимали, по кругу шесть тарелок с густым кремом, но только три из них полетят тебе в лицо, а остальные — нет. Ну, и на тебя смотрят другие, конечно же. Понимаете суть?

— И пожрал, и заработал. Вот это да! — Я понятия не имел, что смешного Пракси нашёл в своей фразе. — Хотя я бы никогда не согласился быть шутком.

— Почему это шутком?

— Тебе платят за то, чтобы другие над тобой хохотали. Ну, или просто на тебя глазели. Мне такое меньше нравится, чем вот это вот то, что другое.

Ледяных дел мастер подвёл идеальную черту касательно этой темы. После этого его внимание вновь прилипло к проходящим мимо людям.

Мы вышли на рынок с цветами и остановились, чтобы немного осмотреться. Оказалось, Эстер они не пахли ни кожей, ни едой, потому она расстроилась. Я же, если бы понюхал с закрытыми глазами, наверняка откусил бы лепесток-другой, настолько они пахли колбасой с лавки неподалёку. Развлечение оказалось не для Хлои, поэтому она осталась в стороне. Эстер нюхала их, я к ним прикасался, а Пракси придумывал дурацкие клички. Нивяники он называл “глазуньями” за схожесть, а чертополох — “колючкой-вонючкой” из-за шипов и неприятного запаха.

Для меня Чароит всегда был особенным городом, потому что в нём было много живых запахов. Один уведёт тебя перекусить, другой — на рынок, третий — к свежескошенной траве, а ещё какой — к чесноку. Запахов здесь уйма — можно сбиться со счёта. Иногда они переплетаются и слишком навязчивые, но не оставляют тебя одного. Ты нужен здесь всем местам сразу, и места эти подзывают тебя к себе. Это тот город, который я бы смог узнать с закрытыми глазами, достаточно просто вдохнуть полной грудью.

— Пошли уже. Пожалуйста, нас ведь ждут в оплоте²¹.

Все закончили тактильно-цветочные игры. Хлоя умела произнести нужные слова так, как они будут звучать лучше всего. Так, что многие этого даже не заметят. Так, чтобы в слове “пожалуйста” они уловили просьбу, а не приказ.

— Погодите, а знаете, что ещё? Тут практически нет горячих напитков, — говорю всем, пока идём. — Нет, не шучу. Здесь очень мягкие осени и практически никогда не бывает холодно. Не уверен, что местные вообще знают, что такое “замерзнуть”, потому что даже ночью это сложно повернуть. Так я слышал. А ещё запомните, здесь обожают чеснок и лесные ягоды. Это символы города. Зубчик чеснока даже на флажках изображён, если вдруг пропустили при входе. Тут что ни напиток, выпечка или сладость — либо ягоды, либо чеснок. Странно или нет, а джем тут мешают с чесночной пастой и наоборот.

Я хотел рассказать о Чароите то, чего они не знают. В первую очередь это касалось Эстер — она слушала, и глаза буквально горели. Я говорил о сладких пирогах, и все слушали очень внимательно. Что касается еды, так она почти всегда всем

---

²¹ Оплоты — места, которые считаются святынями Вездесущих. По всей Эмиронии их не один десяток, но каждая из них носит своё название. В Чароите есть лишь Незыблемый оплот, и всем известно, что именно в нём проживает и сам староста. Он чтит традиции, проводит ритуалы и обращается к Вездесущим по праздникам, а те, в свою очередь, вольны ответить ему, а вольны промолчать.

интересна. Рассказывал про местных пауков-однодневок и местный щипковый инструмент — кантуйлу. Помогал представить вкус еды, внешний вид членистоногого и звук инструмента.

Сам не думал ни о еде, ни о пауках, ни о музыке. Смотрел на радугу, и мне было хорошо. В такие моменты хочется держаться с кем-то за руки и не опускать голову, пока радуга не исчезнет.

На это нельзя было смотреть без паники. Сразу однозначное “нет”. Мгновенное и бескомпромиссное. Оплот стоял настолько высоко, что приходилось чуть ли не щуриться, чтобы рассмотреть его.

— А теперь ещё раз, Скай. Сколько здесь ступенек, говоришь?

— Две с половиной тысячи. Но они маленькие, так что это будет быстрее, чем ты думаешь.

— Мы что, попали в клятый Таратсум?²²

— Нет, но это подарок оттуда. Зодчие Таратсума построили эту лестницу за одну весну, и храм перенесли наверх. Раньше оплот находился в другом месте.

— Ну раз это подарок и вопрос культурного значения... — хотелось так забрызгать их иронией, чтобы даже на прохожих попало. — То мне всё так же плевать. Пешком я туда не пойду, сразу говорю.

— Не вздумай тут разниться. Вот даже...

— Нет, Пракси. Этого не будет, — на её лице проступила раздражённая улыбка. — Они зовут людей помочь и даже вскользь не упоминают, что для этого нужно идти наверх две с половиной тысячи идиотских ступеней. Это неуважение. Скай, мы можем долететь туда на Йерни?

— Последний мой Йерни вымок под дождём.

— А создать нового?

— Это занимает много времени.

— Сколько?

— Около трёх часов.

— Замечательно. Можешь начинать.

---

²² Таратсум — город на северо-западе от Стеокса, в архитектуре которого присутствует очень много лестниц.

— Хлоя, — нахмурилась Эстер. — Имей же ты совесть. Ты ведь знаешь, что это довольно ароматозатратно.

— Ладно. Ты можешь помочь? — не отступала та. — Огромная лиана? Гигантский одуванчик? Хоть на таракане поеду, клянусь.

— О! О! Я! — Пракси явно взбодрился и начал даже пошатываться, чтобы куда-то деть энергию. — Моя ледяная комета. Вперёд и только вперёд.

— Нет! — Собеседница аж вскрикнула. — Это опасно! И Фрида просила этого не делать. И еще...

— Но против лианы или таракана не говорила ничего. Устроишь, Эстер?

— Я бы могла, но что мне расщеплять? Где взять столько энергии?

Хлоя покосилась в сторону, и взгляд остановился на одном из трёх столбов, за которыми начиналась очень широкая лестница.

— Я думаю, что если пропадёт один столб, то никто это даже не заметит.

— Что? Да ни в коем случае. Ты в своём уме? Это же варварство. Мы в священном месте.

— Можно все три расщепить. Они даже не заметят до тех пор, пока мы не уйдём, я уверена. Не подходит? Ладно. Может, просто расщепить несколько ступенек? Какое-то здание? Скромный кусок деревьев, скажем, только верхнюю часть? Нет? Может, вот те огромные облака? Или, не знаю... Что насчёт Ская? Тебе он прямо так сильно нужен?

Эстер не стала отвечать и понимала, что Хлоя не всерьёз. Так в её духе — скрестить руки на груди, смотреть с обидой, но в итоге ничего не ответить.

— Ле-дя-на-я ко-ме-та. Ко-ме-туш-ка.

Пракси загорелся идеей и уже не мог отступить. Когда дело касалось скорости, спора или льда, он превращался в самую настоящую пороховую бочку, которая запросто могла взорвать сама себя.

— Это отличная идея.

— Я Фриде жаловаться, конечно, не буду, — заметила Эстер, — но если меня спросят, я скажу правду.

— Мы в городе немых людей, Эст. Тут у кого-то речь пропадает каждый день, поэтому я бы не была так уверена насчёт твоего "скажу".

Хлоя опять застегнула невидимую молнию на рту — отчего-то очень уж нравился ей этот жест. Через несколько секунд она крепко обняла Пракси сзади и рванула вверх по лестнице со всей той

свободой, которую ей хотелось ощутить. Ледяная доска под ногами скользила так быстро, что всего за миг десятки ступеней оставались позади. Длинный шарф Пракси, что никогда не был завязан до конца, походил на хвост ледяной кометы, которая не падала, а, наоборот, стремилась наверх. В животе закружились бабочки, и Хлоя словила себя на мысли, что невероятно скучала по этому чувству. Ни о чём она не жалела. Ей в голову определённно ударило что-то хорошее. Свободолюбие, которое расцвело лишь на миг. Ощущение власти человека над трудностями. Обволакивающий ноги лёд и пекучее чувство, которое она, признаться, любила, но так редко ощущала. Ветерок и радуга перед глазами. Почему-то в такие моменты, когда водоворот внутри становится больше, ощущается красота простых вещей. Жаль только, время играет по своим правилам, и то, что приносит такое счастье, длится какую-то минуту, а то и ещё меньше.

— Ты, Хло, тут посиди, а я за нашими рвану.

— Они не согласятся.

— Может и нет, — пожал плечами Пракси. — Но неправильно выйдет, если они ждут, а я не приеду.

— Хорошо, подожду. А ты попробуй меня удивить и притащи хотя бы одного из них.

Пракси вернулся через две-три минуты. Очень, к слову, эффектно появился: достаточно высоко подпрыгнул с последней ступени и уже в воздухе попрощался со своей ледяной кометой, приземлившись на ноги. Вроде ничего особенного, но парень умел выглядеть так, будто это в порядке вещей вытворять разные сальто, гнать как угорелый, держать руки в карманах и носить шарф в любой из сезонов. Будто из всех ароматов лёд нашёл его, приполз на коленях и слёзно просил стать его носителем. А Пракси простодушно пожал плечами и согласился, только и всего.

Он был лучшим носителем, которого она знала. Кто бы что ни говорил о мастерстве Сорроу, Пракси бы ему не проиграл. Лёд мог справиться и с металлом Моники, и с Флавитоном... И с кем он только не мог справиться. Это практически полный контроль льда, полное понимание своей стихии и доказательство, что примитивный аромат в опытных руках непобедим. Сочетание холодного аромата и горячего сердца Пракси делали его тем, кого победить в бою ещё нужно постараться.

— Отказались.

— Удивительно, а?

— Идут и дружелюбно себе болтают. Смешные такие. Забавно так вышло, что у нас оказалось две холодные головы́ и двое... Холодные го́ловы, это если что, мы, поняла? Мы — холодные го́ловы, а они... назовём их "кучевыми облаками". Такие, знаешь, как...

— Как Скай и Эстер.

— Ага, как они. Отлично резонируют на самом деле, почти всегда улыбаются, когда рядом. Как там, а? — Пракси насупился и защёлкал пальцами, пытаюсь вспомнить. — Солнышко, вчера моя жизнь была наполнена дождями. Но ты улыбнулся мне и боль стихла. Знаешь эту поговорку?

— Это не поговорка, товарищ. Поинтересуйся как-то тем, что такое поговорка.

— Это поговорка?

— Нет, это одна из выдуманных абстрактных фраз, которых ты понабирался у Эйдана, только и всего.

— Чушь, — ледяной отмахнулся и защёлкал пальцами быстрее, будто это помогало освежить память. — Это точно кто-то говорил. Вечно у меня чьи-то фразы на языке крутятся, и я никак не могу вспомнить *кто* именно их произнёс. Может, и не поговорка это, но выдумка? Да ни за что и никогда. Может, это у меня аномалия²³ такая хитрая, а?

— Тогда что-то бесполезнее нужно ещё поискать. Это как сверхзамедление своего тела, общение с камнями или умение превратиться в кактус навсегда.

Пракси не слушал её, повторял странные строчки и безуспешно пытался вспомнить кому не принадлежат.

— Пасмурные дни прошли... — бубнил он. — Яркие дни пришли... Ладно, забыли. Остальные точно вспомню, но эту — никак. Я, Хло, к тому, что они очень близки, это сразу видно. И характеры совпадают.

— У нас в замке у всех плюс-минус они совпадают.

— Я согласен. Кроме тебя и Эстер, разве что. Без обид. И с Венди у тебя бывает так себе. И Парадоксу ты хамишь иногда. Я бы не терпел, вот честно. Заморозил бы тебе ноги и всё.

— Это мелочи и быт. Я их люблю и знаю, что они любят меня. Просто иногда моё настроение трещит, иногда — их.

---

²³ Скрежет не только наделил ряд людей амарантином, но и стал причиной некоторых физических искажений в телах носителей, которые скорее доставляют неудобства, нежели дают преимущества. Бóльшая часть носителей вовсе не знает о своих аномалиях, но принято считать, что аномалия есть у каждого носителя, просто некоторые из них сложны для обнаружения.

Именно сейчас его было не заткнуть. Пракси был таким, что в разгар болтовни его нужно было напрямую просить о тишине и, мало того, отстаивать право на то, чтобы тот не трепал языком. Разговаривать хотелось не шибко, но пока зона комфорта оставалась в безопасности.

— Пфчи! — согласно чихнул парень. — Не-не, я с тобой согласен. У каждого в котелке свои тараканы, и благо в нашем замке эти тараканы не выходят за рамки здравого смысла и закона. Значит, этими тараканами можно любоваться, восхищаться или изучать их, в конце концов. Можно даже делиться, а если тебе очень близок человек, то и надкусить не грех. Ну, знаешь, общие интересы, совместное времяпровождение. Главное — не сожрать всех тараканов полностью, вот это — нездоровая фигня.

— Спасибо, Пракси. Будь я чуть проницательнее, меня бы стошнило. Самый мерзкий пример из тех, что мне доводилось слышать.

— Это жизнь, — сухо заключил он и пожал плечами.

Хлоя не до конца поняла, что тот имел в виду, но произнёс он это так, будто жирная точка уже была поставлена. Нечего, значит, спрашивать о смысле мудрости, если ты его не понял с первых секунд.

Двое их друзей не ускоряли шаг до самой последней ступеньки. Все четверо вскоре оказались на широкой площади с узорчатой лиловой плиткой и множеством маленьких зданий вокруг. Все они были не жилыми, а исключительно исторического и религиозного значения. Людей здесь было немного: только молящиеся, наблюдатели, местные рабочие и охрана у главного здания.

Нужное им здание можно было различить без особого труда: оно просто-напросто было в пять-шесть раз больше остальных. Такое не перепутаешь с обычным иостом²⁴. Без какой-то роскоши, блестящих орнаментов, бесполезных побрякушек и прочего. Хлоя не спеша направилась ко входу, и все пошли за ней.

— Да ладно, вы даже не запыхались?

— Так мы и не спешили. Экономим силы на разговор со старейшиной.

---

²⁴ Иост — не святиня вроде оплотов, но место успокоения для любого, кто решит остановиться, дабы привести мысли в порядок или помолиться. Иостов куда больше чем оплотов, и раскиданы они по всей Эмирони, даже в самых глухих деревушках. Это маленькое помещение, где редко может поместиться больше трёх человек. Внутри есть ритуальные предметы вроде колокольчиков и благовоний, которые помогут пришедшему успокоиться. В иостах, в отличие от оплотов, можно молиться всем Вездесущим, а не какому-то конкретному.

— Мои ж вы умницы. И что, много ты о Незыблемом оплоте знаешь, Скай?

— Как минимум, что это святыня Постигающего. Есть даже легенда, что если с ним что-то случится под землёй, его мысль выроет яму до Незыблемого оплота и примет облик человека. А если его физическое тело умрёт, то настоящая сущность будет низвергнута обратно в почву. Получается, что он бессмертный.

— Ты же говорил, что храм перенесли откуда-то, — заметил Пракси. — Разве можно взять и передвинуть такую святую обитель?

— Да. Священность — это не просто локация, а дух, правила, традиции, атрибуты и прочие вещи.

— Нет-нет, ты меня не понял. Мне просто интересно, в курсе ли Постигающий. Просто вдруг станет так, что он появляется из-под земли, а на месте его прежнего храма какой-нибудь рыбный рынок? Я без шуток сейчас. Просто как из-под земли узнать такие вещи?

— Я думаю, божества не задаются такими вопросами.

— Нет, я понимаю, но если?.. Если вместо спасения божество наткнётся на рыбу по скидке, это же...

— Стоп-стоп!

Их перебила ещё совсем молодая девчонка, на вид лет семнадцати-восемнадцати. Хлоя вот-вот планировала поздороваться и обратиться к местным караульным, что обороняли вход, но девочка её опередила. У неё в руках была целая куча больших рулонов бумаги, которые она держала в обнимку.

— Вы кто? Вы зачем пришли? Вас чего так много? Это уже территория Незыблемого оплота, вы знаете? Здесь толпами не ходят.

— Здравствуйте. — Хлоя приблизилась и протянула письмо старейшины. — Однозначно знаем.

— Оу!

Девчушка рванула к одному из лысых мужчин у входа и без зазрений совести впихнула все рулоны ему в руки. Тот услышал приказ и ушёл в нужном ему направлении.

— Извините. Вам нужно за мной, в покои мудрейшего старосты и просветителя Хами-Хами Кубиданóха.

— Великолепно, — Хлоя дружелюбно улыбнулась. — Ведите нас к мудрейшему старосте и просветителю Хами-Хами Кубиданоху. Очень будем рады его видеть.

Девочка шагала на удивление быстро, будто уже тысячу раз пожалела о том, что отдала бумаги лысому сторожиле. Её волосы

медного цвета закрывали воротник и падали на белую ткань флайо. Этот переход показался Хлое притягательным и даже особенным — нечасто она видела, как медь так гармонично стекает на белизну. На спине ни узоров, ни других цветов, лишь одна окантовка по краям. Такая простота — это точно хороший вкус, а не простое совпадение.

Проводница может и могла начать отвечать на незамысловатые вопросы, но Хлоя не любила, когда важные вещи обсуждают между прочим, да ещё и на ходу. Придёт, усядется поудобнее, хорошенько подтянется, и вот только тогда. Пока оставалось рассматривать эти хоромы, которые оплотом ну никак не назовёшь. Очень много террас, дверей на улицу и окон. Напоминало что-то среднее между идеей “давайте жить на природе” и “нет, давайте жить в нормальном здании”. В коридорах был холодный ветер: через десятки широких щелей он проникал внутрь этого полупомещения. Чего уж там, здесь даже с лестничных ступеней было видно куда больше остальной части деревни, нежели интерьера это здания.

— Это покои умнейшего человека и нашего старосты. И прежде всего, это оплот для самого Постигающего. Хоть нашего старосты Хами-Хами Кубиданоха пока здесь нет, я прошу вести вас достойно. Для начала снимите, пожалуйста, обувь.

Гости послушались, и после этого проводница провернула ручку. Все пятеро оказались в небольшом ярко освещённом помещении. Сквозняка здесь не было, поэтому и создавалось ощущение, что в этой комнате куда теплее. Добрая часть стен была закрыта прозрачными листами пластика, которые можно было отворить, чтобы впустить ветер и сюда. Чуть ближе к центру помещения были расположены несколько совсем небольших пёстрых кусочков ткани, несколько глиняных широких тарелок с водой и одно блюдце с мукой.

Хлоя разбиралась в вопросах зарубежного этикета и о правилах хорошего тона знала куда больше, нежели о каких-то там чесночных пирогах и прочих маловажных особенностях национальной кухни. То, что им нужно было сделать сейчас, — самая обычная клятва центральных регионов перед Вездесущими. Хлоя стала на колени рядом с подушкой, окунула ладони в муку, тем самым отдав все злые помыслы — и умышленные, и нет, белому цвету, а затем омыла руки. Самое страшное осталось плавать в мутной воде, как минимум в теории. Если местные на самом деле верили, что подобные ритуалы защищают, то пожалуйста. Мокрые руки Хлоя промокнула о небольшой кусочек ткани, как и полагается. Для того, собственно,

он и был здесь — вытирать чистые мокрые руки. Делать это об полотенце с символикой Постигающего могли постояльцы или хозяева таких мест, но никак не гости, тем более с другого города. Глупость несусветная, но на подобных мероприятиях этикет для Хлои всегда оставался выше личных предубеждений.

Скай тоже не оплошал и сделал всё в точности как она. Чего уж там, опыт путешествий — его и клином не вышибешь. Остальные двое, практически не отрывая взгляда от них со Скаем, проделали то же самое. Медленно, неуверенно, но справились они сносно — что-то, а в таком деле ещё нужно постараться напортачить.

Все сели на большие подушки в одном из углов, так как стульев или какой-либо другой мебели здесь не было. В помещении было много ритуальных принадлежностей, которые находились на стеклянных и деревянных подставках, точно экспонаты. Всё это в минимальном расстоянии от пола, потому ни один предмет не находился выше пояса Хлои.

— Моё имя Инхи. Я — главная помощница господина Хами-Хами Кубиданоха. Сам он сейчас временно отсутствует, поэтому задавайте свои вопросы мне.

— Замечательно. — Хлоя представилась сама, затем представила своих спутников. — Хочу оставить формальности и лишние слова, если такие имеются. Мне нужно понимать возникшую проблему настолько же, насколько её понимаете вы.

— А вот с этим будет беда, сразу вам скажу. Я её очень плохо понимаю. И так, с чего бы, с чего бы... Всё, как и сказано в письме. У нас люди теряют голоса. То есть становятся немыми. Хотя не только лишь голоса! — возбуждённо произнесла девушка, пытаясь объяснить поточнее. — Понимание речи. Его тоже теряют.

— Понимание речи?

— Да. Люди не могут говорить и не понимают, что другие хотят им сказать. Представляете?

— Пока смутно. Они слышат слова, если к ним обратиться?

— Да. Машут руками, и совершенно непонятно, что хотят сказать. И если их спросить, понимают ли, они никак не реагируют. Реагируют на звук, но не на имена. Писать буквы они тоже перестали уметь, а когда задаёшь элементарные вопросы, то хоть бы кивнули или покачали головой. Но нет, они и этого не делают! Представляете?

— Не задавайте мне риторических вопросов, они сбивают.

— Извините. Простите, я очень...

— Я это понимаю, всё в порядке. Нужно время прийти в себя?

— Нет-нет, — Инхи придвинулась поближе и взяла себя в руки. — Нормально. Спрашивайте.

— Когда появились первые случаи немоты?

— Первые случаи... — девушка задумалась. — Примерно... Примерно полмесяца назад. Может быть, немного меньше.

— Почему не били тревогу уже тогда? Люди перестали воспринимать речь, вас это не смутило?

— Если бы у всех была голова на плечах, мы бы узнали об этом сразу. Но представьте, вваливается человек домой, а говорить и воспринимать речь не может. Если бы кто-то сразу направился к нам, если бы! Но их родные и вылечить сами пытались, и Вездесущим молились, и даже думали, что пришедшие пьяны, что в бреду. И стоит им просто проспаться, как станет лучше. Но лучше не становилось ни на следующий день, ни после.

— Типично, — сухо протянула Хлоя. — Повсеместная практика — надеяться, что пройдёт само, и лечить то, что тебе неизвестно. Иронично выходит.

— Как есть. А к нам в оплот начали приходиться, может, дней десять назад. Всё больше и больше людей. Мы тоже пытались что-то сделать, даже целителей подключили, но не помогло. И тогда мудрый Хами-Хами Кубиданох, наш старейшина и хранитель этого места, написал вам письмо.

— Написал, да. Где он сейчас?

Девочка на глазах переменилась. Ей, очевидно, и правда огромных усилий стоило, чтобы не потерять лицо.

— А он... знаете, он просто пропал. Ушёл и пропал.

— Ушёл восвояси?

— Нет, не восвояси. Его дом здесь. Мудрый староста ушёл искать источник бед. Через сутки после того, как старейшина покинул оплот, я отправила вам письмо. Сказал, что ненадолго, но его нет уже седьмой день.

— Почему через день? Зачем было ждать?

— Это было его веление. Очень строгое и бескомпромиссное. Сказал отправить ровно через сутки.

Обе замолчали. Хлоя размышляла, а собеседница и не думала сбивать её с мысли. Ей было тяжело говорить об этом. С таких приходится вытягивать информацию, слово за слово.

— Ваши люди пришли к какому-то выводу на этот счёт? Может быть, у вас было какое-то совещание или кто-то высказал идею, которая показалась вам дельной?

— Вы про Хами-Хами или немоту?

— Про второе. К первому мы ещё вернёмся.

— Насчёт источника немоты — нет. Но это кто-то очень злой и бессердечный, раз делает такие вещи. Эти люди, у которых отобрали речь, не какие-то негодяи и мерзавцы. Не знаю, за что их так. А господин Кубиданох мог разгадать эту тайну, я знаю это. Мудрейшие люди, как наш старейшина, всегда найдут ответы на самые скрытые вопросы. Такие и смерть обхитрят, и без слов не пропадут. Наверно, похититель голосов это знал. Знал и что-то с ним сделал.

— Хорошо. Это может...

— Ой, подождите, пожалуйста! Это очень важно!

Инхи вскочила, будто что-то вспомнила, подбежала к одному из экспонатов у входа, и взяла его в руки. Она вернулась и протянула вещицу Хлое. Ею оказалась коричневая шкатулка, которую было очень приятно крутить в руках.

— Это старейшина Хами-Хами передал вам. Вот как всё было — он отправил письмо, но подолгу ждать просто не мог. Поделится со мной, сказал, что ему страшно сидеть на месте и он как староста обязан найти ответ. Просветитель Кубиданох пообещал, что скоро вернётся, но попросил передать вещицу вам, если этого не случится. И если вы, конечно, вообще приедете. Поэтому спасибо вам за то, что всё же нашли время.

— Могу открыть?

— Конечно!

Внутри находились небольшие песочные часы и компас. У компаса была необычная конструкция, но беглого взгляда хватало, чтобы увидеть отсутствие сторон света. В остальном нужно было разбираться. С часами всё было проще — песок в них не пересыпался на другую сторону. Он казался склеенным и застывшим.

— Есть идеи, что это? Мало ли.

— А вы... вы не знаете?

— Ни малейшего понятия.

Инхи побагровела, аккуратно взяла компас с песочными часами и её руки задрожали.

— Я тоже, к огромному сожалению. Мне сказали передать это лично вам, если вы приедете. Я, признаться, думала открыть... Даже открывала, чтобы попытаться помочь вам, но... но разгадать не смогла. Простите. Извините, пожалуйста, — девочка прятала взгляд, как только могла. — Какая же бездарность, ущипни меня Постигающий.

— Не стоит так, — вмешалась Эстер. — Мы разберёмся в любом случае. Со всем разбираемся, и с этим сможем. Лучше скажите, у вас в деревне есть люди с ароматами?

— Наверняка есть, — кивнула красная со стыда девочка, — но лично я таких не знаю. Мы не делим людей на носителей и нет. Я не так часто завожу новые знакомства, чтобы сказать наверняка. А что?

— Мог бы похитителем быть носитель аромата, как думаете?

— Я уже и не знаю, на кого думать. Ворует голоса кто-то умный. Вот только кто эти люди и сколько их? Может, это целая свора преступников, что прямо у нас под носом? Я вам здесь не советчица. Но мы ни с одним проклятием так и не справились, — пожала плечами Инхи. — Я столько молилась и в иосты ходила, да только ничего не помогает. Сдаётся мне, очень сильный аромат.

— Иосты и молитвы — в целом, не самое эффективное решение таких проблем, — учтиво подчеркнула Хлоя. — Простите мои манеры. Пока будем думать, будем искать.

— Найдите господина Хами-Хами, прошу вас. Я знаю, как важны голоса наших людей, но если будет возможность... Не забудьте о нём, умоляю.

— Не забыть — не забудем, тут можете полностью довериться. Сделаем всё, что от нас зависит.

Пракси уже встал и потянулся. Собрался было идти, но Эстер потянула его за рукав и усадила обратно.

— В целом, уже чуть больше информации. Есть что-то, что можно добавить или посоветовать?

— Советы? Советы... — Инхи потратила с полминуты, чтобы словить мысль. — Ну, если вы выйдете на след или вам нужны будут такие необычные люди, как носители аромата, то загляните на ярмарку, что на западе. Там, скажем, собирается "дивный" контингент.

— Местные оборванцы?

— Нет, скорее, весельчаки. Это странствующая труппа, что колесит по деревушкам и городам. Наши люди весьма тихие, а вот эти, ярмарочные — суматошные и необычные. Но не скажу, что плохие.

— Это, случайно, не "Гарцующие фонарики"? Они сейчас колесят по западной Эмиронии. — Эстер охнула, и получив положительный ответ, негромко захлопала в ладоши. — Да я их знаю, ух ты. Ух ты, ух ты!

— С детства мечтала выступить там, да?

— Нет, там есть человек, которым я восхищаюсь. Но об этом потом, не сейчас!

— Хорошо. — Хлоя переключилась обратно на девочку. — Инхи, спасибо вам за объяснение и тёплый приём. Мы остановились тут недалеко, так что, если какие-то новости или вопросы — я снова навещу вас.

— В любое время. Я не шучу, Хлоя. Даже если посреди ночи вы разбудите меня, чтобы сообщить о каких-то новостях, я ни за что не буду против. Для вас вход всегда открыт.

Больше помощница старосты не выдала никакой информации и на уточняющие вопросы отрицательно махала головой. Они с Хлоей обменялись любезностями. Мило, хорошо, приятно и необходимо. Откланяться, как хотелось, не вышло.

— Нет-нет, я вас проведу до самого выхода!

— Замечательно. Буду очень благодарна.

Вовсе не нужна была эта компания, ведь дорогу к выходу из оплота не назвать очень запутанной. Хлоя шла позади и испытывала по отношению к Инхи что-то жалостливо-уважительное, слегка приправленное скепсисом. Девочка и правда была молодой, но на ней в этом месте однозначно держалось многое. Такие люди обычно преданно следуют обязанностям и откладывают на второй план всё остальное. По несколько раз на дню молятся, справляются с задачами, посильными не каждому взрослому, следят за порядком, ложатся спать и начинают всё заново. Умница и бедолага в одном лице.

Скепсис вызывала эта наивная набожность. У таких коленки красные от того, сколько раз они становятся на них, чтобы поговорить с Вездесущими своим трепещущим сердцем. Ничего плохого, но при проблемах не помогает совсем.

Они попрощались и ещё тридцати шагов не сделали, как Эстер попросила остановиться.

— Постойте! Это, в конце концов, обитель Постигающего. Я бы хотела помолиться перед уходом, если вы не против. Недолго.

— Конечно. Не спешите, — согласился за всех Скай.

Ей всё равно важно было убедиться: она установила зрительный контакт с каждым и перепроверила, не против ли кто. Только после этого Эстер со спокойной душой зашла в молельню. Хлоя принялась крутить в руках песочные часы, а Пракси взялся за компас.

— Душка какая. Жаль, в голове одни молитвы и иосты. Про “не спешите”, Скай, ты, конечно, зря.

— Зря? Погоди, почему это зря?

— Она в этих вопросах не из торопливых.

— О да-а-а! — согласно крикнул Пракси. — Я за девушками не подглядываю, когда они наедине с собой, но Эстер засыпает, когда молится, я уверен. Она буквально спит там, и чтоб мой шарф порвался, если это не так.

— Ей это важно. Значит, подбирает слова, а не абы как молится.

— Подбирает слова, — скептически ухмыльнулась Хлоя. — Её же иначе не услышат, только с правильно подобранными словами.

— А ну-ка чё? Что-то до меня не дошло сейчас. Не дошло и всё тут. Хлоя у нас что, в Вездесущих не верит?

Пракси окончательно перетащил внимание на себя и Скай не сказать, что хотел вернуть его обратно. Он был из тех, с кем редко удавалось поспорить и устроить хоть какой-то дискурс касательно спорных тем. Зачастую всё у него было делом либо вкуса, либо сердца, либо души, оттого он не навязывал своё мнение и редко когда осуждал чужое. То ли дело Пракси.

— В их существование?

— Ну как минимум.

— Почему же? Богоявление — это объективный факт. Я же не сумасшедшая, с истиной спорить. Но в то, что Вездесущим чихать на молитвы и просьбы, я тоже, предположим, тоже верю. Молиться из-за украденных голосов, удачи, скорейшего заработка или прочей дребедени это... это просто жалко.

— Но ведь иногда работает. Особенно, если какой-то из Вездесущих положил на тебя глаз по своим причинам. Шанс, что услышат, маленький, но не нулевой. А, как я тебя? Слушай, если мы вступим в настоящий спор — ты не вывезешь. У меня язык подточен как надо.

Вопреки ожиданиям Пракси, провокация не удалась. Не было желания бросаться детскими фразами, что-то оспаривать и доказывать, что Пракси несёт чушь. Хлоя ответила достаточно холодно, чтобы дать понять — игры в кто кого её не интересуют.

— Дело не в том, работает ли оно или нет. А в том, насколько это жалко и слабовольно. Очень тонкая грань между надеждой на удачу и перекадыванием всей ответственности на чудо. Человеку только покажи кого-то могущественнее, и он сразу на колени за одобрением. Мне на такое смотреть если не противно, то как минимум... скажу "досадно", чтобы не обидеть нашу Эстер. Я люблю сильных людей, так уж вышло. Тех, кто руки и ноги в кровь сотрёт, но сам справится с проблемами и сам построит свою жизнь. Кто не

станет надеяться на богов из-за того, что он — лишь маленький человек, который ни на что не влияет.

— Тихо ты, тихо. — Парень осторожно начал смотреть то на небо, то себе под ноги, всерьез боясь, что Вездесущие вот-вот покажутся. — Не болтай слишком много. Разозлишь.

— Как скажешь. Тогда и не поднимай такие темы. — Скепсиса в голосе Хлои оказалось недостаточно, чтобы пресечь пустую болтовню.

— Ну ладно, болтать можно. Но вот если произнести имя кого-то из них вслух, точно шарахнут молнией или под землю утащат. Это я слышал и сам был свидетелем. А я вроде как не хочу умирать сегодня. Может, завтра после трёх или через неделю, но сегодня бы ещё пожил. — Если люди с хорошим чувством юмора даже не улыбаются в ответ на его чушь после второй попытки, значит шутка и правда была так себе. — Извини, я не хотел сбивать. Забудь. Просто продолжай.

— Мне что тебе, очевидные вещи рассказывать? То, насколько людям нравится романтизировать сакральное: божеств, судьбу, тайные смыслы, невысказанные знамения и богоявление? Примерно настолько же, насколько преуменьшать свою значимость. Красиво это, мистично до коликов, но когда случается беда, люди садятся и дни напролёт молятся, вместо того, чтобы действовать. Ждут косточку с неба или из-под земли²⁵. И для меня это не передать, как унижительно. Никогда бы не стала ни перед кем на колени, признавая свою беспомощность. Перед близкими в самом крайнем случае, но перед божествами, которым до меня нет дела — никогда. Просто никогда.

Пракси задумался и не спешил забрасывать своими странными аргументами. Редкий случай, когда он был настолько сговорчив.

— Ну, есть такое немного, есть. Я сам подумал в оплоте, что спасибо хоть письмо нам написали. Нет, в самом деле. Если подумать, то в этом мы похожи. Ну, как бы люди, которые добиваются всего своими силами, поняла? Много кто и правда надеется на судьбу или Вездесущих, вместо того, чтобы самим подсуетиться. Да, слушай, даже уделывать тебя не пришлось. Мне нравится.

Хлоя сдержанно рассмеялась. Со стороны, небось, выглядело, будто глупые шутки Пракси начали до неё доходить. Но веселило иное.

---

²⁵ Считается, что Плотные Вездесущие, связанные с осенью, проживают в ядре земли, а Лучистые, несущие в себе весну, обитают в небе, за самыми высокими облаками.

— А ты иногда и слышать умеешь, надо же. Не перестаю удивляться.

— Ну и не только, потому что воля у меня на десяточку из десяти, если честно. Я раньше много молился, но стал замечать, как убийственно меня клонит в сон во время молитв, честно вам говорю. Хоть днём, хоть ночью — не важно. Дрянной из меня последователь на самом деле, поэтому я с Вездесущими так, на расстоянии. Уважаю их, но традициям не следую и обряды не совершаю, скажем. Как Эстер бы точно не смог. — Пракси сложил руки в замок на затылке и пожал плечами. — Да и просто бы не хотел. Я хотел бы сейчас йогурта, а не быть Эстер.

Хлоя кивнула с серьёзным лицом, а Скай воздержался от того, чтобы поделиться альтернативной точкой зрения. Они с Эстер к Вездесущим были куда ближе Пракси и Хлои, но характер такой, что не станет распылаться на доказательства и споры. Он молчал, рисуя что-то в своём блокноте. Молчала и Хлоя, просто ожидая свою подругу, которая там, наверняка, все колени себе уже отсидела.

Не молчал только один из них. Увы, он и не думал этого делать. Слишком далеко ему было до того, чтобы уметь наслаждаться тишиной. Пракси с головой ушёл в попытку разгадать загадку компаса здесь и сейчас, потому до сих пор не подымал головы и вертел непонятное изобретение в руках.

— Получается, Вездесущие — они как овощи. А вы с Эстер, Скай, овощееды. Но не в обиду ни в коем случае. Вы классные овощееды. Быть близкими с божествами — это непросто, это не для всех и это нужно уметь. Но что-то глубокое в этом точно есть. Как будто всю жизнь шпинат есть или типа того. Такое просто так не делают, ведь насыщение, витамины, энергия. Но не всем такое пойдет. Наверное, мы с Хлоей вот такие, овощи мы уважаем, знаем, что ужасно полезная вещь, но если дойдет до важного, то мы просто скажем: "Что, серьёзно, шпинат? Нет-нет, никакой зеленушки". И просто съедим здоровую тарелень картошки. Там ноль пользы, знаю, но вообще это аллегория на жизненные трудности и их преодоление. Пусть нам достанется пюре, пусть даже с комками, и никуда от этого не деться. Но это своё, это наш путь и мы ни на какие овощи не надеемся. Улавливаете о чём я?

— Родной.

— Что?

— Ты поехал. Очень, очень давно, видимо.

Пракси фыркнул, но Вездесущие с этими его фырканьями. Хлоя направилась к Эстер, только та покинула молельню. На лице Хлои были паника и испуг, которыми можно было поделиться только с подругой. Всё настоящее возникало буквально на ходу, слов подготовить не довелось.

— Эстер... — тревожно произнесла она, только подошла. — Сколько у тебя с собой денег?

— Что? А-а... Ну... — главным было то, что она остановилась и принялась слушать.

— Не нервничай. Все хорошо, мы всё решим.

— Что, что произошло?

— Стражники сказали, что молитва здесь стоит тридцать триптихов²⁶. Что это не иост и здесь кому попало молиться не положено. Скай впервые о таком слышит, а я так тем более. Только честно — ты знала?

— Какого... — едва слышно произнесла Эстер, а потом принялась возбужать: — Кто, кто так решил? Целых тридцать триптихов? Это ненормально. Это же святое место!

— Дело не в святости. А в том, что если не заплатим сейчас же, нас заключат под стражу.

— Под стражу? — глаза той округлились. — Это в темницу?

— Почти. Сказали, под землёй...

— Она шутит, Огонёк. Не ведись.

Весь идеально сыгранный спектакль треснул пополам. Этой короткой фразой Скай убил, задушил и нагло растоптал весь маленький азарт внутри. В душе пролилось что-то волшебное и утекло в неизвестном направлении. Хлоя медленно вдохнула, закрыла глаза и повернулась к Скаю, который стоял за её спиной. Взгляд того был холоднее обычного, и осуждение в нём прочел бы даже самый бездарный. Эстер бы её за маленькую шутку не обожгла, но вот что Скай холодом порежет, не подумала.

— Вот нужно было? В такой-то момент...

— Нужно. Не стоит шутить над теми, кто таких шуток не понимает. И обижать тех, кто не может защититься, тоже не стоит.

— Я бы всё рассказала с секунды на секунду. — Хлоя перевела взгляд на подругу, которая смотрела на неё с опрометчивой обидой. — Прости. У меня была теория, что в экстремальных ситуациях ты грязно ругаешься, Эстер. Хотела проверить.

---

²⁶ Тридцать триптихов равны примерно пятидесяти тысячам гривен.

— Никогда у меня грязной лексики не бывает. Ни в какой из ситуаций. Иногда лучше спросить, Хлоя.

Эксперимент вышел сомнительным, даже отрицать не стоило. Хлоя напомнила Пракси в моменты пика его пустоголовости. Если бы не Скай, всё бы решилось куда, куда мягче. Глупый птицелюб.

— Извини. Перегнула, правда перегнула. Бывает, несёт.

— Ничего, — Эстер обняла её после тяжелого вдоха, и та с удовольствием ответила на это короткое объятие.

— Пока нам нужно в ночевальню²⁷, а? Там уже всё обсудим и отдохнём. Да и вообще, меня достало шнырять по улицам. Эстер, ты хорошо помнишь, где живёт знакомая твоей бабули?

— Конечно. Бабушка мне в письме даже нарисовала карту.

— Тогда веди нас, наш путеводный Огонёк.

Они втроём направились к лестнице, мимо Пракси, но тот и не думал двигаться с места.

— Как же бесит... — рассерженно процедил сквозь зубы парень, крутя в руках всё ту же безделушку. — Я не собираюсь ломать голову над этим идиотским компасом!

— Прекращай давай. Всё равно тут ты ничего не разгадаешь.

— Да ну, Хлоя? Если это спор, то я готов. Я редко когда проигрываю споры, веришь?

— Я это знаю.

— Так давай поспорим, — разбушевался тот, — что я всё же щёлкну эту приبلуду как орех. До конца дня. Покажу тебе, чего я стою. А я стою многого! Сотни из ста стою.

Парень раскручивал свой любимый шарф в руке, будто пращу, и по лицу было видно, что он всеми фибрами души желает услышать "да".

— Нет.

— Что значит нет? Что, лёд мне в горло, значит нет?

— Я не сказала, что ты не разгадаешь. Я сказала, что ты не сделаешь это *здесь*. Но придём, разляжемся, поедим — можешь крутить и вращать эту вещицу сколько влезет.

— А, тью, — тот переменялся в лице и почти равнодушно пожал плечами, — без проблем, если так.

---

²⁷ Ночевальня — место, где можно остановиться, чтобы остаться на одну или несколько ночей. Обычно это жилые дома работающих людей, поэтому не подразумевается, что посетитель останется днём один. Часто в ночевальнях нужно уйти до или вместе с хозяином поутру и вернуться не раньше положенного времени.

Но даже пока они шли в ночевальню, парень внимательно изучал обе вещицы, что дала Инхи. Особенность часов была видна невооружённым взглядом — песок просто не перетекал на другую сторону, вот и всё. В остальном они такие же, как и многие другие. Компас был куда интереснее. Стрелка здесь не бегала из стороны в сторону, а была зафиксирована. Вместо этого посредине было что-то похожее на заводную головку на часах — только покрутив её, стрелка начинала вращаться. А вместо цифр, как полагается на компасе, были буквы. Весь алфавит Йетрагге-янтэ²⁸, ничего недостающего или лишнего. Пальцы прокрутили металлическую головку, и стрелка сделала два полных круга. Нулевой эффект, но оно и к лучшему. Вся слава достанется ей.

— Что-то я, судя по всему, не поняла... — Хлоя достала то ли воображаемый словарь, то ли что-то в таком духе, и перелистнула пару несуществующих страниц. — Ага... Ночевальня — это место, где гость может остановиться и с комфортом отдохнуть. А это?.. Так-так... Вот, нашла! Хибара — убогий домишко, который очень пытался стать красивым, но не смог. Эстер, ты точно объяснила, что мы тут должны *ночевать*, а не просто прийти и уйти?

— Да. Не бухти, нам здесь, что, нужен шик? Нет. Очень милый домик, ничего броского.

Нет-нет, тут всё было и правда терпимо. Пракси не был любителем стен из драгоценных камней, это уже тараканищи Хлои зашевелились в её голове. Бабуля, которая была здесь хозяйкой, оказалась милой и очень любезно общалась с каждым из них. Кровать, на которой Пракси лежал, была так-сяк, но всё же сойдёт. Вид из окна был на два из пяти, зато с плюсом, а сам домик совсем не ох, даже близко не ах, но на пару ночей потянет.

— Хлоя, вот только не нуди. — Пракси заглядывался на двуспальную и единственную кровать в этом жилище. — Скромно, зато со стилем.

— Тогда на огрызке в маленькой комнате спишь ты, стильный наш. Без возражений, надеюсь?

---

²⁸ Йетрагге-янтэ — единый язык, на котором говорят все жители Эмирнии.

— Вот ещё. Как же без возражений, когда с ними?

— Сам же понимаешь, как всё паршиво. Просто язык не поворачивается сказать.

— Вот и нет. Мимо.

— О-о-о, — с какой-то раздражающей самоуверенностью протянуло Хлоя. — Ещё как понимаешь, товарищ. Не хуже меня, я-то тебя как облупленного знаю.

— Да ну? Я, между прочим, — нужно было показать пальцем на себя для пущего эффекта, — обожаю на полу спать. Я просто обожаю это дело. Для меня никакая кровать никогда не сравнится с хорошеньким матрасом на полу. Как тебе, не ожидала?

Хлоя устало выдохнула и покачала головой.

— Ну плохо у тебя с блефом. Совсем беда.

— Блефом, говоришь?

Пракси умудрился сделать पहले всех то, что утёрло Хлое нас в трехкратном размере. Сумка с его вещами легла прямо рядом с подушкой на матрасе. И чихать всем три дня без остановки, кто думает, что Пракси вздумал блефовать. После этих слов он совершенно точно знал — матрас в маленькой комнате не достанется никому, хоть на колени пусть становятся.

— Всё, вон с моей комнаты. Отныне это территория льда и варежек.

— Так ты не шутил? — Хлоя приподняла брови от удивления — символ самого настоящего триумфа Пракси над всем и вся. — Признаю, удивил так удивил.

— Поверь, я многосторонний ещё как. Как кубик льда. У него там сколько?.. Шесть... Нет, стоп...

— Эстер, тогда кровать наша. — Хлоя кинула свои вещи на кровать. — А ты, Скай, на диванчике в комнате Пракси. Так уж по остатку выходит.

— Нет-нет, я ведь меньше. Лучше я на диванчике. А Скаю удобнее на кровати будет.

— Мне не принципиально. Но ночью я сильно обнимаюсь, такая уж привычка. Мерзну, вот и согреваю о кого-то конечности.

Эстер быстро поменялась в лице. Обычно она принимала решения неспешно, любила мяться и ходить туда-сюда, но здесь точка была поставлена почти сразу.

— Скай, ты спишь на диванчике, — однозначно заключила она.

Тот не возражал. Скай был из тех, кто мог заснуть даже сидя или стоя, что уж говорить о коротком, но мягком диване. Главное, что

Пракси отстоял своё и утёр нос Хлое так, как та, он готов был биться об заклад, и не ожидала.

— Всем внимание! Глаза на меня, ведь начинается самое интересное! — Когда все подошли и взгляды были направлены на Пракси, он прочистил горло и гордо добавил: — Не знаю как вы, а у меня ещё с утра в планах был дневной сон, и я принципиально не собираюсь нарушать свои стандарты.

Парень расставил руки и рухнул лицом на матрац. Мягкий настолько, что аж зефир напомнил. И запах был ничего — видимо, только постирали.

* * *

Выспался он на четыре из десяти, но это лучше, чем ничего. Вот если хотя бы на три из десяти, то уже бы закрались сомнения по поводу того, а стоило ли вообще за этот матрац так сражаться. Но четыре из десяти — это ещё не “очень плохо”, а, скорее “совсем не хорошо”. И это совершенно другое.

— Вставай, засоня! У нас тут такое... Целое открытие, — произнесла Хлоя, как только Пракси вышел из комнатухи.

— Удивляй, — зевнул тот.

— Видишь кольцо на потолке? Как думаешь, для чего оно?

И правда, сбоку большой комнаты из потолка торчало металлическое кольцо на веревке, до которого не смог бы дотянуться разве что ребёнок.

— Что-то вешать. Тюль какую-то. Или кусок мяса сушиться. Или подтягиваться одной рукой.

— Нет. Честно, даже не пытайся, не угадаешь.

Хлоя дотянулась до металлического кольца и потянула на себя. Вниз выпала целая лестница с поручнями, что вела на этаж повыше.

— Если понадобится уборная, то тебе наверх. Добро пожаловать.

— И опять какой-то странный взгляд на меня. Я-то тут при чем?! — растерялась Эстер. — Бабушка рассказывала, это совершенно нормально в таких вот деревушках, особенно на окраинах. И такого рода места здесь всегда запрятаны — это нормы общественного поведения.

— Я не буду спрашивать, почему оно находится над головой и как это работает. Не буду, и всё тут.

— Здесь же много огородов. Так вот, по трубам...

— ОСТАНОВИСЬ. *Срочно.*

— Правильно, потому что тебе не понравится ответ, — расхохоталась та. — Не слишком привычная практика для наших мест, что есть, то есть.

Теперь уже Эстер крутила компас в руке, пытаясь разобраться с устройством. Бесплезно, потому что только Пракси мог разгадать величайшую загадку — он знал это, старейшина городка знал и даже Вездесущие. Просто нужно было немного повременить с разгадыванием этой тайны, только и всего.

— Слушай, может быть, брак? — завидев тщетные попытки, бросил Скай. — Если брак, то ты уже ничего с этим не сделаешь.

Эстер уставилась на него с явно не одним вопросом в голове.

— Ты... Ты думаешь, да?

— Конечно. Остаётся на удачу надеяться.

Эстер отложила прибор и погрузилась в себя. Хлое удалось схватить злосчастный компас раньше.

— Не ломайте головы. Я на эту безделушку ещё с самого храма глаз положила, так что всё сделаю красиво. А пока сядьте вокруг меня, пожалуйста. Обсудим важное.

Организационные процессы не вызывали проблем. Все четверо сели небольшим квадратом.

— Вот что нужно сделать, запоминайте. Просто прикупить продуктов и где-то хорошо провести время. Легкотня, а? — Хлоя одарила каждого подбадривающим взглядом. — Легкотня. Просто параллельно нужно поговорить с людьми. Разными, из разных районов деревни, разных сословий. Сейчас меня интересует один вопрос — место, в котором люди лишались речи. Если это будет триста разных мест — подходит. Если будут какие-то совпадения или закономерности — подходит. Просто выясните это. Может быть, время суток. Может быть, одна возрастная категория.

— Мы пораспрашиваем людей, конечно, — кивнул Скай. — Ты пока компасом и часами займёшься?

— Да. И важно купить поесть. Я не хочу здесь кушать.

— Почему это?! — начала негодовать Эстер, но взгляда фельцеблера хватило, чтобы вопрос отпал сам с собой.

— Купим, не переживай.

— Проведите время хорошо, мальчики. И ты тоже, Эстер. Многое в деревне сейчас зависит от нас четырёх.

Хлоя осталась в ночевальне и чертовски много теряла, если по-честному. Скай был в этих краях не раз, а значит, что-то да знал об этом месте. Как отталкивающие, так и самые сильные его стороны.

Трое вышли из помещения и направились на более или менее людную улицу.

— Кстати, не знаю, запомнили вы или нет, но здесь очень необычная кухня. Можно будет перекусить где-то.

— Только после того, как получим информацию. Задание — прежде всего, — Пракси решил взять на себя роль лидера и говорил как можно строже.

— Хорошо. А потом можно будет попробовать “Чароитский барабан”. Слыхали, а?

— Барабан? Там, что, нужно есть и одновременно бить палочкой?

— Нет, это другой барабан. Как у револьвера или что-то вроде того. Это местное развлечение, но сам никогда не пробовал. Суть в острых блюдах или что-то вроде того. Можно будет спросить у местных. Любопытная традиция, насколько я слышал.

— А, не, — совершенно безразлично бросил Пракси. — Меня такое мало интересует.

* * *

Наступил ранний вечер. Скай с Эстер не были на его стороне. Они слишком много болтали с местными, чтобы что-то разузнать. А суть, суть-то была в другом. Пракси описал им эту суть, но они махнули на неё рукой.

Он стоял в тускло освещённой подсобке с двумя мужчинами. Три человека. Две крохотные лампочки. Один стол. И целая бесконечность на кону.

— Что, что там? Выкладывай.

— Конкурс. Ты не местный, я так понял, поэтому скажу сразу, что конкурс не для слабаков. Называется “Чароитский барабан”.

— Детали. Нужны детали.

— Шесть соусов. Коронных, я бы сказал, легенды местной кулинарии. Чем больше выпьешь, тем больше будет ажиотаж. Нам нужно шоу.

— Просто выпить шесть соусов?

— Они остренькие. Ответственность за твою жизнь мы не несём.

— Я в деле, уважаемые. Какой приз?

— Не спеши. Главное — не переживай, заплатим хорошо, мы не карманники. Нам нужно поддерживать авторитет.

— Цена вопроса?

— Не могу сейчас сказать. Вот до какой колбы с соусом дойдёшь, такой и будет приз.

— Приз! Требую знать, что за приз!

— Зависит от реакции толпы! Если будешь вялым, то мелочь предложим, но если до истерики людей доведешь, то не поскупимся. Пусть будет два триптиха²⁹. Идёт?

— Отказываюсь от состязания. — Пракси величаво треснул кулаком по столу и развернулся к выходу.

— Мало? Неужели тебе и этого мало?

— Что значит? — его передёрнуло. — Что значит два триптиха? Вы меня купить решили? Это вопрос достоинства, и деньгами такое не решишь.

— Нет, я просто прекра...

— Уважаемый, мне ваши гроши не нужны. Если я дойду до конца, вы назовёте соус в мою честь, как вам? Значит так, я принимаю состязание немедленно. Принимаю, ясно? Я уже в игре. На сколько спорим, что я выпью всё до последней колбочки?

Двое мужчин переглянулись.

— Ты про залог?

— Да. Я плачу вам залог, чтобы вы, если я выиграю, назвали в мою честь сына.

— Сына? Мы говорили про соус.

— Подходит.

Пять полных монет сразу оказались перед собеседниками, будто Пракси выжидал момент, чтобы пафосно бросить их на стол.

— Парень, пять триптихов это как-то...

— Пять, и ни триптихом меньше. Это моя ставка на себя же, а я знаю, кто в конце концов победит. Несите давайте своё пойло или что там у вас. Несите, всё выпью!

* * *

Шесть колбочек теперь были перед глазами. Прозрачные, одинаковые по размеру, но с содержимым разных цветов. Глашатай или какой-то там-шатай привлёк внимание толпы к Пракси, что стоял на стойке перед всеми. Такая уж часть представления, потому пусть все видят, как утираются носы. Пока болтун собирал взгляды, Пракси хрустел пальцами.

— Хорошие мои, ну вам ли не знать, чем славится Чароит? Вашими приятными лицами и изысканной чесночной кухней, конечно же! Ах,

²⁹ Два триптиха равны приблизительно трём тысячам пятистам гривнам.

сколько людей хотят покорить чесночную стихию, вы можете себе представить? Я — нет. Я перестал считать после тысячи. А приезжие, а-а-а... Их особенно люблю. Много они знают о чесночном стиле жизни? Этот парень думает, что он знает. Думает, что “Чароитский барабан” — это легче, чем заряженный барабан револьвера. И там, и там по шесть убийственных малышей. Посмотрим, что же хуже на самом деле?

Мужчина смог завести толпу. Да-да, молодец. Бравый парень. Жаль, что проиграл.

— Игра простая! — говорил он так, чтобы все слышали. — Пей по одной колбе, от самой лёгкой до самой ядрёной. По пятнадцать секунд перерыв между напитками, я буду давать команды. Стошнит, выплунешь или потеряешь сознание — прости-прощай! Чем больше выпьешь, тем ценнее приз. И помни! О-о-о...

Надоел быть фоновым шумом. Болтал и болтал, болтал и болтал. Нужно сразу к делу. Пракси залпом справился с первым препятствием.

— Наш участник... — глашатай наклонился ухом ко рту Пракси и должен был расслышать его имя. — Наш участник Парксе уже выпил “Бабулин зубчик”. Легкотня, не находите? Им только коржики смазывать, чтобы безвкусными не были. Лёгкий запах изо рта и никакого вызова. Тьфу! Улыбаешься? Давай дальше!

Все они были одной консистенции: плюс-минус густой маслянистый соус с кусочками чеснока и трав. Прошлый был красный, этот был каким-то бледным.

— “Чесночная честность”! Ну, тут что сказать? Все паразиты в организме нашего Парксе точно убиты. Они не любители острого. По лицу могу сказать, что он тоже.

Эстер и Скай стояли среди толпы и махали ему прекращать. Малявки не понимали. Приз будет его. Он уже даже придумал название для настойки — “Праксически невозможно”. Да, однажды какой-то остолоп будет держать в руках колбочку, а толпа ему будет кричать: — это “Праксически невозможно”!

Игра слов, придуманная пока безызвестным гением. Скоро всё кончится!

— Готов, парень? “Бубль-Дубль”! Залпом, правильно!

Вот чушь. Первый был никаким, второй мутью, но третий был вкуснятиной. На полпути, и такое приятное испытание? Интересный аромат травок даже взбудрил Пракси. Он будто проснулся. Ничего общего, казалось, от того вкуса чеснока, который он знал. Да такое

хоть по утрам пей, чтобы поэнергичнее быть! Ну и вкуснотищей же оказался этот “Бубль-Дубль”!

— Смотрим, смотрим. Что там, ножки то подкашиваются? Кажется, да. Кажется парень неплох, дорогие зрители. Главное, чтобы не “неплох, неплох, бац — и сдох”, да?

Все рассмеялись от каких-то плоских местных шуточек. Пракси уже держал четвертую колбу с темно-темно-зелёной жидкостью, как цвет дремучего леса. Оставалось дожидаться команды.

— У-у-ух ты. Ну, готов? Давай! Это “Квазар”, дорогие зрители! Не буду лукавить — это и правда острые ощущения. Не каждый любитель чесночного вкуса и остроты осмеливается попробовать такое. Ротовая полость будет вас ненавидеть, будьте уверены.

Это был какой-то экстракт! Как будто всю остроту обычного чеснока заключили в несколько капель и многократно её усилили. На языке оставались какие-то “колючки” — то ли крохотные кусочки трав, то ли реакция языка на этот “Квазар”. Во рту появился маленький кусочек льда и с горем пополам помог избавиться от огня во рту.

— Малой, вот же ж малой! Кажется, у него глаза намокли. Так... Так... А нет, это у меня! — ведущий эпатажно показал на Пракси. — И это он всего лишь дыхнул. Вот это я понимаю, чароитская душа.

Некоторые зрители смотрели на Пракси как на полубожество. Не это ему нужно было. Лучшая поддержка — это вера в него, что читалась на лицах других. Будто они кричали: “Давай, уважаемый, ты со всем справишься! Вливайся в нашу чесночную компанию!” Вот эти ребята были что надо.

— Кстати, в пятой колбочке именно она. “Чароитская душа”. Все мы знаем, что чароитцем не станешь по щелчку пальца. Наш Чароит — это ведь философия, это манеры, танцы на кострах, вечернее наблюдение за звездопадами, концерты на полях, любование родными улочками и тяга к фиолетовому цвету, ну? Понимаете же?

Все понимали. Неужели здесь все такие чароитные? Даже Скай и Эстер уже больше слушали ведущего, нежели махали руками. Понимали всю важность происходящего. Знали, что их славный друг победит и это неминуемо.

— И соусы, что прожигают стекло! — толпа подняла руки вверх. — Камни и металлы жгут, а чужие рты так и подавно. Вы тоже видите Чароит в этой маленькой колбочке? Конечно, ведь в эту вкуснотищу добавляют фиолетовый краситель. А теперь вместе! Пей, пей, пей!

Пракси выпил за два глотка. Жидкость окутала всю ротовую полость и попала на горло. “Квазар” на фоне этого соуса — просто шутка.

— Камень мне в голову, выпил? А ну скажи что-то, парень. Ты вообще в адеквате?

— Я — чароитская душа, всем ясно?!

Зрители захлопали, а Пракси поднял руки вверх. Ведущий теперь уже не скрывал своего изумления. Поделом, Пракси этого заслужил!

— Да уж, серьёзные проблемы с желудочно-кишечным трактом этот парень уже заработал. Нам такие нравятся! Что же, а сейчас я дам тебе минуту. Нет-нет. Сколько понадобится, Парксе, мы всё поймём, правда. Приготовься. Содержимое шестой колбы за всё время, что есть это испытание, я сейчас не шучу, выпило семь человек. Я про тех, кто смог выдержать до конца. Я правда, правда не знаю, что с ними случилось потом. Вон некоторые наши зрители помнят, как оно было на самом деле. Может быть, ты будешь восьмым. Я **не** знаю. Но, парень, искренне желаю тебе удачи. Это уже что-то большее, чем просто шоу. Ты готов?!

— Гтоу! — во рту пекло и оттого буквы не вязались друг с другом.

— Кто лучший?

— Я учшыы!

— Ты сможешь?

— Я шмгу!

— Дамы и господа! — его голос восторженно дрожал. — Прямо сейчас, на ваших глазах человек будет пить “Летальную тихоходку”!

— Летальную тихоходку! — кричали одни, а другие просили остановиться.

Пракси выпил катастрофу личностного масштаба. Стало ясно, почему после такого не выживают, а если и выживают, то дальше жить не хотят. Но Пракси — он же человек с ледяным сердцем, что горит вечным огнём. У него были шансы справиться с невозможным.

Люди охнули. Думали, ему удалось-таки это быстро проглотить, ан нет. Он указал пальцами на свой рот, сжал зубы и демонстративно процедил через них чёрную жидкость. Некоторые, кажется, даже попадали в обморок. Другие прикрывали рот руками и просто не знали, как реагировать. Пракси сделал так дважды, после чего сглотнул и высунул язык, показывая, что ничего не осталось. Ведущий так опешил, что не сразу нашёл что сказать.

— Бон, — бросил он товарищу рядом так, что только они с Пракси расслышали, — ты всё ещё не веришь в божеств?

— Уже ни в чём не уверен.

— Срочно начинай. Какая-то чудотворная жуть. — Потом мужчина обратился к толпе: — Вот он наш победитель! Вот он! По праву, друзья, мы дарим самое ценное, что у нас только есть. Не только название соуса в честь Парксе, а нечто куда большее! Титул “Чесночный император”! Он весь твой!

Ему протянули амулет с зубчиком чеснока, как заверяли, из минерала, который назывался точно так же — Чароит. Награда была редкая, и Пракси ей был даже более, чем рад. Он выиграл спор и даже увековечил себя в названии нового соуса. А по-другому и быть не могло. Он заслужил этот приз, и амулет тут же стал ему очень дорог. Но силёнки куда-то улетучивались. Слишком быстро, как для Пракси. К нему подбежали Скай и Эстер.

— Это ещё не всё. Твоё право дать название нашему клубу. Клубу тех, кто смог это сделать.

— Да, — подключился его товарищ. — Новый победитель зачёркивает название, которое дал последний, и даёт новое.

— Ага. Такая традиция.

— И оно прошто вищит?

— Не просто висит! Имена всех победителей гордо запечатлены на центральной доске, видишь?

И правда. Семь имён и название клуба. Все названия кроме последнего зачёркнуты, но не стёрты. В руках у Пракси оказался кусочек угля.

— Нужно твоей рукой.

Пракси начал шататься. Стало больно разгибаться. Эстер налетела на него: то ли с осуждением, то ли с беспокойством. В общем, со всем, с чем Эстер любит налетать. А сейчас было не вовремя.

Он дошатался до доски, сжимая в одном кулаке мел, а в другой — трофейный чесночный зубчик. Люди наблюдали за ним. Пракси вяло перечеркнул название “ Ваше Чесночество” и написал: “Горько-горькая симфония”. У него откуда-то крутилось это название. Даже казалось, что это какой-то клуб по интересам в Стеоксе или где-то там ещё. Он старательно вывел последнюю букву и почти сразу потерял сознание.

* * *

Эстер со Скаем попросили его ничего не говорить. Ни слова, и даже рот не открывать. И пусть, потому как не больно-то хотелось.

Пракси несла в ночевальню бумажная носилка. Простой себе прямоугольник на четырёх бумажных лапах. Сразу стоило обусловиться и прояснить: Пракси мог идти сам сразу после того, как проснулся. Мог, просто если уж дали добро отдохнуть, то кто он такой, чтобы ставить свой организм под угрозу. На спине было удобнее, чем стоя. Только заходя в ночевальню, у Ская дёрнулся аромат, и Пракси стукнулся рукой о дверной проём. А в целом бумажка справилась на семь из десяти, что весьма и весьма.

— Жуть, — заключила Хлоя. — Хотела спросить, какие вы новости мне принесли, а вы взяли и действительно принесли... новости. Он, что, напился?

— Я...

— Молчи! — одновременно крикнули Скай с Эстер, типун им за такую наглость.

— Он отравился чесноком и выключился. А когда разговаривает, то так разит, что глаза слезятся. Я не шучу, Хлоя. Это совсем не тот чеснок, который ты знаешь.

Пусть болтают, что хотят. Чароитский барабан — лучшее, с чем Пракси доводилось сталкиваться в жизни.

— Ни о чём не жалею, — он прикрыл рот обеими ладошками, чтобы никто не ныл. — Это даже вкуснее льда.

— Всё вкуснее льда, Пракси.

— Ужас какой, — рассмеялась Хлоя. — Мне интересно, как так произошло, но об этом потом. Давайте сейчас насчёт задания. Получилось что-то узнать, или он всё испортил?

Только сейчас бумажка Ская размякла, и Пракси сначала плюхнулся на пол, но сразу же встал.

— Узнали, — спокойно ответила ей Эстер. — Узнали, что от места ничего не зависит. У кого-то голоса пропадали дома, у кого-то — посреди улицы и так далее. У всех по-разному. Постигающий, был даже парень, который лишился речи, прямо пока купался в речке! Но с ним невозможно общаться записками, мы пытались. Он сидел со своим другом, и это он всё рассказал.

— Как Инхи и говорила, да?

— Да, — подхватил Скай. — Пропадает именно понимание речи. Они не умеют ни писать, ни рисовать что-то вразумительное.

— А друг что? В порядке?

— Да. Рыбачил. Они перекрикивались. Потом бац, и один начинает мычать, а другой не понимает, что происходит. Первый в слёзы, второй в панику. Вполне закономерная реакция.

— Я поняла. А помимо того? Немой был адекватным?

— Да. По жестам что-то ещё можно выяснить, но не без труда. Он ест, пьёт, якобы слушает рассказы друга и нормально реагирует. От времени суток, кстати, тоже не зависит. Совершенно. Вот, в общем, и всё. Потом случился чесночный казус, и мы вернулись. А у тебя что? Получилось?

— Да, получилось.

— Да ну?! — руки опять прикрывали рот. — В каком смысле получилось? Ты разгадала?

— Разгадала. И результат меня порадовал. В о-о-общем, чтобы не ходить вокруг да около...

Хлоя кряхтя встала с кресла и взяла обе загадочные вещицы в руки. Часы она поставила так, что часть с песком осталась вверху, а полая часть, куда песок не попадал, — внизу. Затем открыла компас и стала перед часами.

— Плюс-минус, тут всё просто, смотрите.

Пальцы медленно крутили металлическую головку, и стрелка перепрыгивала с буквы на букву. По часовой, то есть строго по алфавиту.

— Сейчас внимание на часы.

Когда она дошла до двенадцатой буквы и подождала, немного песка, совсем щепотка, высыпалась вниз. Затем резким движением Хлоя прокрутила головку до первой буквы, и стрелка снова оказалась вверху. Следующий раз песок высыпался на четвёртой букве.

— Как вы поняли, ответ зашифрован по буквам. Один полный оборот по часовой — одна буква. Песок показывает правильный ответ.

— Чесаться не перечесаться! — Пракси не жалея шлёпнул себя ладошкой по лбу, не забывая прикрывать рот. — Ты вот так сидела и по букве расшифровывала? Щурилась, да, и пристально смотрела на песок?

— Именно.

— И что, много там было?

— Вон. — Она указала пальцем на подоконник. — Не так чтобы очень.

Пракси поправил шарф, стянул одну варежку и сам начал крутить, полностью сфокусировавшись на загадке. Будто сам хотел проверить, что всё работает именно так, как рассказали. Дойдя до нужной буквы, нужно было немного подождать, потому что песок начинал сыпаться не сразу. Но каждый раз, как это происходило, он не скрывал, что ему дьявольски это нравится.

— Так-так, значит, вот что мы имеем. — Скай взял листок и зачитал вслух:

“На ярмарке они всегда вдвоём. Они знают. То ли братцы, толь сестрицы, толь вообще без пола птицы”.

— И всё?

— Да.

— Вот почему в таких посланиях никогда нет доходчивой информации? “Привет, то-сё, идите туда-то, сделайте то-то”. Вот хоть бы раз кто так написал. Шиш! Кто мне ответит, уважаемые?

— Не бурчи ты. Старейшина дал хорошую подсказку, а я её хорошо разгадала. Завтра просто сходим на ярмарку и посмотрим. И Пракси... — Хлоя сморщилась и, кажется, прослезилась. — Верни руку обратно, очень тебя прошу. Вонница и правда несусветная.

* * *

Было уже поздно. Совесть оставалась чиста — он сделал всё от него зависящее за сегодня. Все четверо весь вечер болтали. Только один раз их потревожила хозяйка ночевальни, чтобы развесить постиранное бельё в его со Скаем комнате. Заняло каких-то пять минут. Потом свет снова приглушили, и мрак с атмосферой темной близости вернулись на свои места.

— Да ну, вы что? Сейчас мы живём припеваючи. Не думаю, что за время в Орторусе хоть у кого-то произошло что-то по-настоящему страшное.

— Ну, тут да. Страшные истории — не наше. Немота — это ведь тоже не страшно? Пусть очень странно, да, но не страшно ведь?

— Есть вообще-то парочка страшных... случаев на уме, — перебил Пракси и максимально мрачным тоном добавил: — Настоящих...

— Именно страшных, да? Не загадочных? — уточнила Эстер.

— О, да. Самых что ни на есть, Эст.

— Ну-ну, тоже мне. Ты сталкивался с чем-то по-настоящему жутким, хочешь сказать?

— Да. С чем-то, от чего до сих пор кровь в жилах стонет.

— Стынет.

— Пусть стынет. Но да, я видел вещи, которые не могу забыть до сих пор.

— А почему никогда не говорил? — заинтересовалась Эстер. — Это что-то опасное?

— Я думаю, в те разы всё закончилось лучшим из вариантов. Но тогда я чувствовал, что конец он вот-вот, где-то рядом.

— Расскажи.

— Хорошо, могу. Вы сильно впечатлительные?

— Ну... А там, что, прямо гадость какая-то?

— Давай рассказывай уже! — вмешалась Хлоя и устроилась поудобнее, готовясь услышать историю.

Тогда Пракси полностью погасил свет и попросил Эстер поставить маленькую свечку на пол прямо в центре перед ними. Так она и сделала. Рассказчик заговорил уже куда менее бодрым голосом, чем до этого.

— Дело было, когда я отправился на одно из заданий совершенно один. Я забрёл в северный район Мейярфа, а там, часто слышал, не самое благополучное место. Поговаривают, что помимо ворья и преступников там водится что-то ещё. А ночью хоть глаза выколи. Иду я, значит, из забегаловки “Мураха-слоноед” в свой номер. Только сворачиваю на тёмный участок, чувствую — кто-то идёт. Поворачиваюсь — никого. Иду дальше, выжидаю, резко поворачиваю голову и краем глаза замечаю... Человек? Не человек. Зверь? Не зверь. Чтоб вы понимали... Я шёл там, где не было света, а силуэт заметил. Темнее самой темноты, получается.

Пракси перешёл на более мрачный тон, будто это не просто история, а действительно довольно неприятное воспоминание. Он хмурился, пока рассказывал.

— Честно? Стало не по себе. Я ускорил шаг, хотя не из боязливых. И десяти секунд не проходит, как слышу — оно летит на меня! Так, что если я обернусь и замешкаюсь, то всё. Случится что-то кошмарно плохое, я был уверен. Тут я начинаю нестись по этому кварталу, а оно как птица. Людей в округе — ни души. Никого, кто даже услышал бы крик. Я бегу, а оно как схватит меня за руку! Я поворачиваюсь, уже готовый зарядить что есть силы, а он мне сипло: — “Парень, где тут сортиры ещё работают? Мне срочно!”

Хлоя тут же залилась смехом, да таким, что сам Пракси не ожидал. История понравилась ей на все двести из ста. И даже несмотря на это, Скай не прятал свой скепсис, вызванный якобы совершенно глупой историей. Не понимает, да и ладно.

— М-да, как я и думал. Ничего страшного. А так многообещающе всё начиналось.

— Шикарно, просто шика-а-арно!

Только Эстер, кажется, до конца не определилась. Она растерянно смотрела на всех троих и напоследок даже помахала головой.

— Так, я что-то не поняла. А что случилось дальше? Кто это был?

— Не было никакого “дальше”, Эстер. Незнакомец искал уборную. Это конец истории, — сухо объяснил Скай.

— Ну, тогда она какая-то странная. Что случилось с мужчиной, ты ему помог?

— Страшнейшее из всего, что слышала. Это просто восторг. Просто восторг!

Через добрые полчаса разговора Пракси почувствовал, что устал. Для него это было позднее время, и он не был из тех, кто может сидеть и болтать до самого утра. Он обычно рано ложился, чтобы легко проснуться. Первое удавалось, а вот легко проснуться уже и не вспомнить, когда выходило. И всё равно он не досыпал, а вставал рано — дело принципа. Остальные трое молили своими языками, да так, что, положи под них пшеницу, та в муку превратится. Когда начало першить в глазах, Пракси сдался.

— Так, пойду. Вы тут болтайте, а меня ждёт царство сладости. Только потише, пожалуйста.

Остальные попрощались с ним и продолжили трепаться. А Пракси вернулся в маленькую комнатку за дверь. Он любил это чувство приятной усталости, стремления к новому дню и холодному матрасу. Пракси улёгся на бок и закрыл глаза. Здравствуй, шелковое царство снов. Кто-кто, а он умел крепко засыпать. А эти секунды перед сном — особая ценность, которую мало кто замечает. Парень ценил её сполна, поэтому почти всегда его день кончался хорошо.

* * *

Кошмарная ночь. Заснуть не получалось с час минимум. Пракси уже заперся и лёг в самом дальнем краю комнаты, чтобы не слышать этой глупой болтовни. И тут, говори или не говори быть потише, один результат. То ли дверь толщиной в простыню, то ли ещё что, но было слышно даже спокойный тон разговора, а всякие смешки и тому подобное так тем паче. Поэтому он то клал подушку на ухо, то прикрывал ухо ладонью, то старался побыстрее заснуть — дохлый номер.

Но это было ещё полбеды, правда. В другом конце комнаты на прикрученных к стене канатиках сушилась одежда хозяйки ночевальни. То ли эта бабуля как-то неправильно стирала, то ли в этих краях этот запах сродни цветочному, одни Вездесущие

разберут. Но как специально, пока остальные там веселились за стенкой, Пракси прямо-таки разило, простите, запахом смердящих носков. Только он зашёл сюда, так вообще не чувствовалось, даже мысли об этом не возникло. А сейчас запах носков не просто неприятно щекотал нос, нет-нет, он бил на убой. Вот их будто специально не доставляли или оставили на следующий раз. Из-за этого воздух в комнате был спёртым, и в полную грудь вдохнуть было чем-то невыносимым. Из целого оконца открывалась только крохотная его часть. Приходилось в прямом смысле нюхать матрац, который уже едва-едва, где-то там в отдалённых уголках обоняния отдавал свежестью. Свежесть эта помогала лишь немного, но полностью справиться с таким запахом ей было никак не под силу.

— Вот вы у меня все попляшете. Завтра я просто сожгу эти вонючие носки.

Пракси процедил это сквозь настолько сжатые зубы, что те заболели. Он смотрел прямо в стенку и клялся, что пожалеют все: и эти балаболы за стеной, и бабуля со своими носками, и вообще весь мир. Ладно бы зловоние и шум, но тут даже смотреть некуда было. Четыре стены со шкафами и прочей лабудой. Вездесущие, как же он скучал по своей комнате и родному сердцу замку. И когда мир был уже вот-вот на грани, чтобы заплатить за своё существование, когда его от полного погружения в лёд отделяло всего ничего, Пракси наконец уснул. И миру, а уж тем более болтунам и старой бабуле повезло, что так произошло. Кто знает, что бы случилось, если бы лёд вышел из-под контроля.

* * *

Утром парень зашёл в комнату к трём болтливым полуночникам, что продолжали бубнить и бубнить чуть ли не до самого утра. Эстер всегда была ранней пташкой и запросто могла лечь к трём-четырёх, а в семь утра выглядеть уже как с иголки. О Хлое такого не скажешь никак. Она едва сидела на табурете с прищуренными глазами, пока Эстер расчёсывала и заплетала ей волосы. Если присмотреться, то она даже успевала на секунду-другую уснуть и сразу проснуться от того, что клонило в одну из сторон. Не самое бодрое её состояние.

— Доброе утро. Хлоя, отлично выглядишь. Просто светишься.

Девушка вяло махнула кистью, мол, “брысь отсюда” и спрятала лицо в ладонях.

— Нет-нет. Не шатайся, пожалуйста. Тебе принести воды с лимоном? Освежает.

— Нет, Эстер.

— Вода с лимоном очень бодрит. Вот мало кто знает, а ведь такое освежающее средство находится прямо под руками. Я когда пью воду с лимоном, то даже как-то... Не знаю, как будто зарядку сделала. Лучше выпить, но дело, конечно, твоё. Я заканчиваю. Пока постарайся не засыпать.

— Мг-г-г...

— А ты, Пракси, пока разбуди Ская. Ему тоже нужно собираться.

Он спал в самом дальнем углу комнаты. Оно и понятно: девочки заняли двуспальную кровать, а Скай решил не ходить далеко и просто-напросто сдвинул два кресла. С горем пополам, скрючившись и поджав ноги под себя, уместиться можно. Засыпал он быстро, спал крепко, поэтому таким лишь бы шею не свернуть ненароком, а всё остальное — как-нибудь да сойдёт.

— А еду я планировала приготовить. Нужно спросить...

— А-а-а-ай-я-я!

Хлоя вскочила со стула, чуть повертелась, и на пол упали ледяные кубики. Слишком уж широким был воротник, чтобы ждать, пока Хлоя переборет себя. Прямо недопустимо соблазнительная мишень и это совершенно нормально — не устоять. Такие выходки редко бьют в голову, но коль уж бьют, то у сомнений ни шанса на победу.

— Псина ты убогая!

— Мечь за Эстер вчера.

— Муфлон, как же я хочу тебя этим льдом вье...

— Хлоя! Я всё понимаю, но попрошу не выражаться! — Эстер перестала расчесывать и нахмурилась. Эта её смешная строгость, казалась ей, должна как-то напугать.

На самом деле нет, Пракси она только смешила. Может, он один так думал, но одуванчик как ни пыжься, не может превратиться в серую тучу. В замке много кто умел просто посмотреть так, что становилось понятно — не до шуток. Ещё в замке мало кто любил пить воду с лимоном по утрам. В обоих случаях Эстер была полнейшим исключением из правил.

— И вот зачем ты это сделал?

— Сделал что? — сейчас главное было не проговориться, что из-за этой её напускной строгости приходится сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

— Закинул лёд за шиворот. Что вы все друг другу пакости пытаетесь сделать? Мы ведь семья.

Парень посмотрел на взъерошенного, проснувшегося от крика Ская, что всё ещё пытался разобраться в происходящем.

— Ты мне что сказала, а? Я разбудил Ская? Разбудил. Мы разве обсуждали методы?

— Жди ответа, товарищ. Я тебе это так не оставлю.

— Просто имей уважение, Пракси, — заключила Эстер. — Иногда ты делаешь то, чего я совсем от тебя никак не ожидаю. Это ведь жестоко, это...

— Что поделать, захожу с козырей. Хлоя, ты не бурчи. Давай ты меня за шарф повесишь вниз головой, а потом им же придушишь, если хочешь.

Кто-кто, а Хлоя была сестрой по настроению. Она протянула жест обещания, и самодовольная улыбка тут же смешалась с азартом.

— Но прежде я тебе заряджу этим льдом по голове.

— В самый лоб с размаха.

— И варежки прикарманю.

— Идёт! — Пракси ответил тем же, и они на радостях обнялись. Настроение сменилось так, что они с Хлоей поняли друг друга на десять из десяти, а остальные двое остались стоять в растерянности.

— Ну или... так... — Эстер понимала, что её слова пролетели мимо ушей.

— Что произошло? — промямлил Скай. — Вы поссорились из-за льда?

— Нет. Но лёд вот-вот поссорится с тобой, да так, как не каждому приснится в худшем из снов. Лучше даже не представлять, дружище, лучше даже не представлять. Поэтому у тебя две минуты, чтобы проснуться и привести себя в порядок. А иначе... — Пракси приподнял брови и закивал. — Я всё сказал. Две минуты. Тик-так.

У Ская это не заняло так много времени, как у Хлои. Она была единственной черепахой из четвёрки, которая была катастрофически нерасторопна, когда дело доходило до вопроса сборов. Эстер, может, была точно такой. Но это же во сколько тогда она вставала, что была готова уже тогда, когда другие вовсю борются с той самой "одной минуткой", которая часто заканчивается пресловутым "Да как же я мог так сильно проспать?!".

Они разделились по парам. О, кто-кто, а Эстер на все сто знала, кого ей искать на ярмарке. Миссия превыше всего, так и есть. Она говорила с людьми, задавала вопросы, высматривала что-то необычное и время от времени, когда Скай отвлекался, бросала взгляд на невысокий жёлтый шатёр. Те, кто интересуется, его из любой дали узнают.

— Спасибо за помощь, — в который раз произнесла она и почтительно кивнула. — Наилучшего вам дня.

Эстер направилась к следующей компании прохожих, Скай шёл рядом. Она ведь умела разговаривать с людьми. Умела, но когда мысли не скатываются в катышки. А сейчас вообще не до всех этих, простите, бестолковых расспросов. И всё снова по процедуре, вопрос за вопросом.

Она уже начинала нервничать и даже вспотела. Если кто-то вякнет о чём-то важном и полезном, то пиши пропало. Придётся выслушивать до конца, а потом идти к Хлое, рассказывать, что узнала. Тогда они отсюда уйдут, и шансов не останется. Эстер снова бросила взгляд в сторону.

— Надо... знаешь, что? Ещё раз разделиться. Чтобы больше людей расспросить.

— Как именно?

— Поспрашивай в той области, где смешные зеркала. Вон, видишь? А я тут осмотрюсь.

— Огонёк, мы там уже были.

— И всех опросили?

— Ну... — по лицу Ская было видно, что что-то не так. — Ты сама десять минут назад сказала: "Так, здесь всех спросили". Дословно.

Она могла признаться Скаю. Он-то из тех, кто понимает её странности и ни то что слова, даже мысли кривой не пропустит. Но поздно, оказалось, момент упущен. Стыд уже начал пожирать её. Шаг не в ту сторону, и всё, трагедия. Достаточно было просто признаться и оказаться понятой. Но в такие минуты Эстер попросту не умела шагнуть назад и сделать всё правильно.

— Тогда... Это... А у булочника? У булочника всех спрашивали?

Чтоб его. Булочник был в западной части, там как раз Хлоя и Пракси. Всё вылетало из головы, а язык назло гнал вперёд как бешеный. Скай вопросительно посмотрел на неё и покосился в сторону.

— Да. Погоди, а вот у зеркал, я вспомнил... было пару ребят, которых я пропустил. Ая-яй.

Он слишком очевидно подыгрывал, но понял, понял всё, что нужно! И ни слова насмешливого вслух не произнёс. Вот так связь, вот так взаимопонимание. *(Это точно должно было быть оно, а не обычное совпадение!)*

— Да... Спроси их... Пожалуйста.

— Ага. Я мигом. Но... Ты поняла, не совсем мигом. Достаточно мигом.

Тот заговорщически подмигнул и ушёл. Эстер ещё немного побродила, но в разговоры не вступала. Ишь чего, глядишь, ещё затянутся. Точно нет. Вместо этого она подобрала момент и проскользнула в жёлтый шатёр.

Никого из посетителей не было. Это даже не облегчение, а самая настоящая благодать. Шум сюда будто не доносился, и всё было прямо-таки пропитано мистикой. Странные картины, загадочные атрибуты и тихий свет. Но главное — сама зрелая леди перед ней. Легенда, что ещё сказать. “Гарцующие фонарики” и их ярмарку знали в узких кругах по всей Эмиронии. Они ездили и на восток, и в Мейярф, и на запад, но почему-то очень редко бывали в Стеоксе. Эстер ни разу не удавалось застать ярмарку в своих краях. Сейчас выпал самый что ни на есть настоящий шанс.

— Заходи, красавица.

— Здравствуйте, мадам Жеж. Я Эстер. Ох, с чего бы начать... Знаете, мы с вами ни разу не встречались, но я восхищаюсь вами.

— Не представляешь, как приятно такое слышать, милая. Издалека приехала, да?

— Из Стеокса.

— Да. Я знаю. Сразу увидела, что передо мной не местная. Вот так, просто посмотрев. Разве не удивительно?

— Ещё как удивительно!

Эстер обомлела и едва нащупала стул, чтобы сесть. Уже поближе можно было рассмотреть детали: дерзкая искорка в глазах, манерность, высоко поднятый подбородок и макияж, будто боевая раскраска — точно мост между мирами. Не робкая дама и своё дело знает.

— У тебя много вопросов, красавица.

— Вы знаете, да. Много так, что и в голове не собрать.

— А ты не собирай в голове. Наоборот, развяжи пучок мыслей. Брось их в текучесть своего сознания. И вылови первую попавшуюся.

— Ох, ну... попробую. Тогда о самом важном. О судьбоносном, как мне кажется.

Эстер глубоко вздохнула, закрыла глаза и на несколько секунд расслабилась. А потом протянула женщине ладонь.

— Смотрите. Я заметила, что мои линии брака стали длиннее. Посмотрите, какие огромные. Видите? Раньше я их практически не замечала. А сейчас что?

Пока мадам Жеж рассматривала ладонь, Эстер решила необходимым рассказать предысторию.

— Всё началось с того, что меня стали преследовать предзнаменования. После того как я увидела, что линии три, всё пошло под откос. Я в последнее время читаю книгу о животных северных регионов и постоянно натываюсь на слово "браконьеры". Я читаю пассивно, понимаете, как все нормальные люди, всё про себя. Но вот как дохожу до слова "браконьеры", у меня каждый раз мурашки по спине от первых четырёх букв. Они будто красным на бумаге горят. Не может же это быть просто так. А ещё совсем недавно я сидела в забегаловке и ужинала. Была вся в мыслях, видать, слишком задумалась и вышла, не оплатив счёт. Такое редко бывает, не думайте, что я безответственная или хитрая. Выхожу я, а тут за мной выбегает мужчина и кричит: "Эй, а замужем?". У меня сразу паника, сразу три пота прошибло. Думаю: "Ему какое дело? Он мне кто такой, чтобы такие вещи спрашивать?". А знаете, как на деле оказалось? Позор какой! Он крикнул: "Эй, а за ужин?". Я извинилась и расплатилась, так-то оно хорошо, но разве это был не знак, как думаете? На небе моя звёздная вуаль складывается в три линии, а это ведь символ женитьбы, и мой близкий друг ни с того ни с сего вчера мне знает, что сказал? Из всего, что только можно было сказать, только представьте себе. Говорит: "Может быть, брак. А если брак, то ты уже ничего с этим не сделаешь". Представляете? Значит, у меня суженый скоро появится? Или сразу муж? Если так, то я не готова к этому совершенно. Что мне делать?

Последний вопрос прозвучал по-настоящему испуганно. А мисс Жеж всего-то пара секунд понадобилась, чтобы во всём разобраться.

— Нет. Линии не реализовываются мгновенно. Твоя линия жизни с тобой от начала и до конца, ты же помнишь? А вот эти, — она пару раз хлопнула пальцем по линиям брака, — не такие длинные,

поверь. Да, довольно глубокие, потому-то ты их и заметила, но это не значит, что история твоей любви начнётся завтра. Я вижу глубину. Это другое.

— Неужели трагический конец?! Короткая история о всепоглощающей любви, так, что ли? — в её голове зародился новый страх.

— Кто знает. — Дама усмехнулась и загадочно посмотрела на гостью. — Есть огромные шансы полагать, что линии станут длиннее, а история любви так и не кончится. Даже если ты очень захочешь. Но давай ещё вот так проверим.

Эстер даже дышать старалась тихо. Мадам Жеж достала чашечку с чёрным слоем на дне и налила туда немного воды.

— Кошмар, вы ещё и тассеограф! Я их очень мало встречала, знаю, что не каждый решается окунуться в эту область. Огромная, говорят, ответственность.

— Больше, чем ты можешь себе представить, милая.

Какая женщина, слов просто нет. Дайте ей, Вездесущие, здоровья. Профессионал своего дела, да ещё и такой обаятельный. Чашечка перевернулась, и образовалась картина из гуши. Эстер успокаивала себя, кусая кончик пальца, пока мадам Жеж молчала и разглядывала картину.

Вмешалась интуиция. Ромбики и короны — это, кажется, нехорошо. Это не тот случай, когда интуиция вопила от страха, но ромбы в символике мало кто любит. А короны — властолюбие, если память не подводит. Совсем не похоже на Эстер, значит, речь о её возлюбленном! Если такой вообще будет. А если нет, значит, она сама станет напыщенной и высокомерной. Хоть бы это было не так!

— Нет, я вижу, что всё будет хорошо. Даже гуша говорит, что переживать не стоит.

— О-о-ох... Вот оно что... Ну, то есть, значит никакого брака в ближайшее время?

— Да, почти сто процентов, что пока нет. Здесь у тебя пчела и якорь. Это хорошо.

— А моя звёздная вуаль? Посмотрите, пожалуйста! — Эстер быстро нарисовала расположение её звёзд на вчерашнем небе. — Вот, это не проблема? У меня обычно квадратные фигуры рисуются, а тут такое...

Было видно, что мадам Жеж вглядывается не просто так. Не чтобы сделать вид. Она правда могла читать судьбу по одним только

линиям, звёздам на небе и предзнаменованиям. Невероятная, просто невероятная женщина!

— Когда брак, то они ближе друг к другу. А у тебя больше похоже на “течение реки”, чем на “обручение”.

Огромный валун, который уже несколько дней давил на все клапаны её обеспокоенного сердца, будто тут же растаял. Даже в голове стало чуть весеннее: хотелось вдохнуть полной грудью и вот с этого самого момента начать жить.

— Спасибо вам, мадам Жеж. Вы чудо, а не человек. Только вы и могли меня спасти.

— Моя милая, — рассмеялась женщина, — не переживай. Я всегда рада помочь. М-м-м, — провидица прикрыла глаза и покрутила руками в воздухе. — Эстер, если я не ошибаюсь?

— Вы... О Вездесущие! Да, да, так меня зовут, — ей аж прыгать от восторга захотелось.

— Милая Эстер, я вот что хочу сказать. Символы и знаки очень много значат для каждого из нас. Кто-то это понимает, другие в это не верят. Мы с тобой просто знаем, что это так, и это нас связывает, понимаешь?

Эстер кивнула и продолжала внимательно слушать.

— Просто имей в виду, что наша первая встреча о тебе много рассказала. Ты не будешь несчастна. Что бы ты там ни думала, а ты — птичка, так скажу тебе. Самая настоящая, а ведь они редко бывают несчастными. Не это ли главное?

— Птичка?

— Именно так. Романтика.

Это был первый случай, когда между ними завязалось недопонимание. Эстер перелопатила всё, что только можно из своих воспоминаний, но ответа не нашла.

— А это... Птицы — это как созвездие ястреба? Или это вы о хиромантии?

— Нет. Я о тебе как таковой.

— А что в этом такого особенного, быть птицей? Объясните, пожалуйста.

— Да что объяснять, всё же элементарно. В нашем мире все как-то да на что-то делятся. Зачастую это так. Кто-то на мужчин и женщин, кто-то лучистых и плотных, а кто-то на вечнозелёных и листопадных. Смотря кто или что ты. Понимаешь?

— Да. Люди, Вездесущие и растения.

— И не только, моя милая, и не только. Дуализма в нашей жизни очень много. Я бы сказала так: наш мир состоит из бескрайнего

количества пар. Из жертв и хищников, из дня и ночи, согласных и несогласных. Таких примеров, как ты понимаешь, очень, очень много.

— Но они могут сочетаться? Или каждому лишь по одной дуальности?

— Конечно же, могут, как иначе, — мадам Жеж загадочно засмеялась. — Ты женщина, а ведь есть и мужчины. Ты носитель аромата, а ведь есть те, кто им не обладает. Ты птица, а ведь упорно ассоциируешь себя с цветком. Разве не так?

— Ну да. Да, мне всегда казалось, что мой символ — это какой-то цветочек.

— А чем они тебе сильно полюбились?

— Я разбираюсь в них. Могу отличить их друг от друга. И с удовольствием за ними ухаживаю.

— Но не нужно себя с ними ассоциировать. Они же совершенно другие, цветы-то. Увлечение и символизм — не одно и то же.

— А какой у них символизм? — Эстер затаила дыхание. — У птиц.

— Такие люди несут в себе способность летать, если в двух словах. И делятся ей. Иногда даже когда хотят избавиться от неё, то не получается. Ты из таких. Из тех, кто есть само счастье, согревающее собой других. А бывают люди, которые цветы. У них другая история. Хочется сказать, что сложнее, но она просто другая.

*Стоп. Если мысли отражаются в голове буквами, то им срочно нужен жирный шрифт. Если они так никогда не делают, то этот раз будет исключением. **Вот так. И сделать эту мысль побольше, чтобы ни в коем случае не забыть. Замечательно. Сейчас без шуток. Без всего скепсиса, коим многие брызжут, и недоверия к такого рода заведениям. Эта женщина говорила принципиально важные вещи. Всё может быть ложью, даже дребедень о линиях и то, что Эстер зовут Эстер. Но произнесённые только что слова — самая настоящая истина, здесь не могло быть субъективного. Это тот дуализм, который априори не вызывает сомнений. Как наличие солнца или луны над головой. И если самые важные глубины внутренней империи человека могут заявить о себе всего раз, то у Эстер это случилось именно сейчас. И эта империя, не объясняя ничего, внесла в голову факт, который вызывал в ней трепет: люди действительно порой делятся на тех, кто птица, и тех, кто цветок.***

— Цветы и птицы, — Эстер произнесла это как человек, который вынырнул из самого глубокого бассейна своих мыслей в жизни.

— Именно так, красавица. Каждая птица ищет свой цветок, и наоборот. Как лучистые, что всегда несут с собой весну, и плотные, с приходом которых наступает осень. Ничего другого.

— С кем вы чаще здесь беседуете, с людьми-птицами или людьми-цветами?

— С теми, кто ни первый, ни второй. Но если уж скажешь выбирать, то с птицами. По душам со вторыми я не беседовала очень много лет. Мы не понимаем друг друга. Я, понимаешь, скорее орнитолог, нежели флорист.

— А вы... — Эстер пыталась подобрать слова, но получилось не сразу. — Вы... Удивительная женщина. По правде, может это наивно, но мне кажется, что из-за того, что я зашла к вам, моя жизнь изменится. Или уже изменилась. Знаете, я, конечно, не с этого города, но вы-то... Мне кажется, вообще не отсюда. Какая-то не от мира сего, в лучшем смысле этого слова.

Так случается, что человек, которого ты несколько минут назад не знал, становится сильнейшим магнитом. В этой женщине было что-то непостижимое: янтарь в её подвеске скорее был настоящим солнцем, чем просто янтарём, за шалью пряталась тайна, а не простые дряблые руки, а взгляд был такой, будто она знала все линии на руках Эстер ещё до того, как та зашла сюда.

— И что, твой пучок мыслей безвозвратно растёкся по озеру или выстроился в строгом порядке?

— Знаете, он растёкся. Только не по озеру, а сам превратился в огромную лужу. Но так, может, даже правильнее. Словами не передать, как мне хочется ещё посидеть с вами, но...

— Нужно бежать.

— Именно. Нужно бежать.

Женщина только дружелюбно подмигнула и окончательно заморозила Эстер. Она встала со стула, попрощалась и только успела повернуться.

— Кхм-кхм. Триптих, попрошу.

— Прошу прощения! Дырявая голова, я совсем заговорилась и забыла. Вот, держите. И прекрасного вам дня, мадам Жеж!

Эстер вышла из шатра и снова встретилась с ярким светом Терсиды³⁰. Она даже не успела насладиться мыслью, что никакого брака в ближайшее время можно не ждать, как две пары

---

³⁰ Терси́да — наименование солнца.

прищуренных глаз уставились на неё и, видят Вездесущие, хотели прожечь насквозь.

Пракси и Хлоя стояли прямо перед ней, причём каждый по-своему давал понять, что её поймали на горячем. Фельцеблер хитро улыбалась уголками губ, а второй приподнял брови так, будто говорил: “Я верил тебе всю свою жизнь, и вот до чего ты докатилась?!”

— Эстер, солнышко, а что ты там делала?

— Дело, — сухо отрезала она и почувствовала, что безразличие сохранить не получается.

— А какое дело?

— Искала зацепки. Братцев и сестриц. Как и говорится в загадке.

— Ты там была добрых минут двадцать. Наверно, не так поняла задание?

— Судя по всему, — Эстер увела взгляд.

— Только не накручивай там себе. Я правда хотела просто узнать. Это дружеский интерес, ничего такого. Ты же знаешь, мне можно верить.

И правда, ничего такого. С какой такой радости в голову стукнуло, что её кто-то осуждает? Сама себе надумала, а уже на друзей решила затаить обиду. Не стоит. Дружеские вопросы на то и дружеские — в них искренность, на них не нужно бояться ответить. Трижды, а лучше четырежды стоит покопаться сначала в своей голове прежде, чем делать выводы. А то слишком уж поспешными они тогда получаются. Вывод один — Хлое можно было полностью доверять.

— Я ходила к гадалке. Болтали о хиромантии и астрологии. А по делу я ничего не спрашивала. Я даже не пыталась искать кого-то. Но у меня на руке новые линии появились, представляете?

Она это сказала так простодушно и наивно, что эти слова могли разбиться о лёгкий поток ветра, настолько хрупкими они были. И только последнее слово сорвалось с её губ — всё. Волшебство и уютное чувство внутри, это спокойствие, этот ложный чужеродный огонёк внутри, погасли.

— А-а-а! — крикнула Эстер, махая руками, будто пыталась сбить невидимую паутину. — Руки прочь! Убери от меня свой гадкий аромат, фу! Ведьма ты такая!

— Даже не пыталась искать! — самодовольно щёлкнула пальцами Хлоя. — Что и требовалось доказать.

— Брось, тут даже аромат не нужен был. Я знал. Знал!

У Скай, если понаблюдать за ним со стороны, была довольно интересная черта. Он произвольно оказывался в центре событий чуть позже, чем остальные. Это могла быть даже минута, но за эти шестьдесят секунд могло произойти столько всего, что, придя, просто не разберёшь происходящего. Если счёт шёл на часы, то по разным причинам Скай оказывался в нужном месте, когда оставались считанные минуты до конца. Не опаздывал, ни в коем случае. Но приди он раньше, был бы как и все — наблюдателем, что видит происходящее от начала и до конца. А парень как-то умудрился отсечь “начало” и из раза в раз задавать свой любимый вопрос.

— Так, что вы тут грохочете громче грома?

— Вот вы противные, — бросила пристыжённая Эстер. — Вы оба. Можете ведь быть хорошими, но эта ваша высокомерная сторона... Гадость какая!

Она немного поникла. Признаться, Эстер и сама знала, что бывала чрезмерно ранимой в случаях, когда та же Хлоя и не заметила бы очередной остроты или колкости. Скай в этом случае среагировал быстрее всех и поступил совершенно в своём духе: приобнял Эстер, развернувшись к обидчикам спиной, и одной рукой начал махать в их сторону.

— Фу, прочь отсюда, прочь отсюда, гадкие коршуны. Плохо пахнущие гадкие коршуны. Налетели!

— А вот это заявочка серьёзная. Но Эстер, здесь не на что обижаться. Совершенно.

— Прочь, коршуны! Плохо пахнущие коршуны! — девушка подыграла и заулыбалась.

Ей важен был этот факт, что она не осталась одна против троих. И человек, оказавшийся не по ту сторону, а рядом, затрагивал фибры чувств куда сильнее, нежели кто-то ещё. Тем более, если это был Скай. Тогда счётчик умножался надвое.

— Я думала, что одна заметила этот противный запах.

— Так разит, — Скай принялся. — Наверно, характер.

— Если бы. Но это всё тот же чеснок.

Тот возмутился и заэкал.

— Ладно, хорош комедию ломать. На самом деле мы чего такие весёлые, а? Вы знаете? Вот ты, Скай, знаешь?

Тот проигнорировал.

— Нет, а я скажу. Сказать?

Опять.

— Отлично, рад, что мы на одной волне. Прекращаем баловство, серьёзно. Есть что сказать.

Хлоя поддержала идею, и все четверо отошли в сторону. Только обиды и улыбки пропали, фельцеблер сменила тон и заговорила всерьёз.

— Мы с Пракси нашли близнецов. Нашли, но они оказались очень странными существами. Ты, Скай, должен знать, кто они такие. Разумные прозрачно-чёрные люди.

— Так...

— Они говорят на Йетрагге-янтэ. Это всё. Ты когда-то таких видел?

— Они осязаемые?

— Не знаю.

— А форма тела чёткая?

— Да.

— Ничего себе... Как минимум, это странно. Я пока не могу сказать, кто это. Нужно увидеть.

— Мы сейчас пойдём к ним. Вести разговор буду только я. Это принципиально важно, поэтому прошу никого не встречать. Кивните. Каждый послушался и кивнул.

— Скай, если ты их узнаешь или будешь понимать, как именно с ними нужно общаться, то можешь говорить. Остальные молчат. И ни в коем случае не дерзить им, даже жестами.

— Ага.

— Я поняла. А далеко эти существа находятся?

— Нет. За мной.

Ярмарка оказалась внушительных размеров для такого-то городка. В самом её центре шатры и лавочки стояли кучно, но чем дальше от него, тем рассредоточенней они становились. Самые крайние так и вовсе выглядели, словно в них могли находиться лишь атрибуты циркачей и товар на продажу, но никак не люди.

Они зашли в один из таких шатров. Тут тебе ни яркого света, ни посетителей, ни торговцев. Шатёр был, очевидно, закрыт, поэтому оставалось гадать, как Пракси с Хлоей вообще сюда забрались. (А если это запрещено и наказуемо, что тогда?!) Здесь было несколько тусклых ламп — помещение освещал совсем неприятный оттенок жёлтого.

— Вы вернулись!

— Почему так резко ушли?

— Испугались?

Голоса произносили слова быстро, но источник звука всё время был позади. Эстер повернула голову, даже покрутилась, но не нашла говорящего.

— Привела ещё двоих.

— А было два на два. Хорошо начали говорить.

— Они струсили, говорю тебе.

— Нужно раздавать приходящим леденцы, чтобы не пугались. Как думаешь, поможет?

— Я их никогда не ел, не знаю.

— Ребята, — Хлоя подобрала момент. — Давайте вы появитесь, и мы поговорим как подобает.

— А как подобает?

— Как с гостями.

— Вас вон как много. Что, нам каждому отвечать?

Голоса начали жаловаться, но Хлоя старалась не давать скатиться разговору в простое нытьё.

— Говорить буду я одна. Вы можете даже не смотреть на них. Что думаете?

— А остальные боятся? Мы не хотим, чтобы нас боялись.

— Да, мы не хотим. Вы же убежали, как только увидели нас. Но и чтобы хором говорили, тоже не хотим!

— Стоп-стоп, — показывая пустые ладони, Хлоя вышла к центру шатра. — Они молчат не потому, что боятся, а потому, что немые. Попросту не могут говорить, потому что у них голос отобрали. Вот и всё.

— А... Не могут. Ну тогда...

Те начали шушукаться друг с другом. Эстер, как и остальные, просто стояла и ловила себя на мысли, что нужно молчать.

— Выходите, не бойтесь. Очень вас прошу.

Перед Хлоей, где света было больше всего, появились две чёрные человекоподобные сущности. Всё, как она и описывала — разумные прозрачно-чёрные люди. Они были сращены в районе кисти и голени. Нужно было быть очень невнимательной, чтобы подумать, что они просто держатся за руки и соприкасаются ногами.

— Близнецы, я так понимаю?

— Ага.

— Да, мы сиамские тени.

— Сиамские тени-близнецы.

— Вы — тени и прячетесь тоже в тенях? Я права?

Хлоя в нужный момент перевела взгляд на Скаю, а тот отрицательно помотал головой. Он этих существ не знал.

— Ну...

— Да. Здесь. Прячемся в тенях, и что?

— Это очень интересный ход. Хотелось отдать должное за находчивость, — она невзначай показала на себя. — Разрешите назвать своё имя. Я — Хлоя. Мало ли вам интересно будет.

Эти тени были словно дети. Один, что справа, был более грубым и напористым, а второй казался ранимым. Такие вещи можно увидеть даже по очертаниям. Да и голос, и речь — всё это у второй тени было очень хрупким.

— Я Стервятник, — представился смелый. — А это Тень.

— Спасибо. Стервятник, Тень, у меня есть вопрос. Если позволите, конечно.

Никто не ответил, даже звука не издал.

— Есть человек, с которым и мы, и вы очень дружим. Он доверил вам одни свои секреты, а нам доверил другие. Сейчас, чтобы его спасти, нам нужно знать секрет, который он доверил вам. Без вашей помощи никак.

— А-а-а, так вы здесь из-за дороги.

Хлоя не переспрашивала, но кивнула так, что рассказчики поняли — нужно объяснить точнее.

— Наш друг передал нам дорогу. Но не каждому можно по ней идти. Он этого очень не хотел.

— А что, с нашим другом случилось что-то... — перебил одного брата второй.

— Страшное, да. Поэтому я и ищу секрет, который он вам доверил. Братья переглянулись и замешкались.

— Вы знаете о Чёрной Каракатице?

— Нет. Но *он* говорил, что вы нам расскажете.

— Мы сами не знаем, — стыдливо произнёс Тень. — Мы с ними не якшаемся, честное слово. Всё, что *он* нам рассказал, это нужную дорогу. Мы даже...

Брат пнул Тень в бок и заговорил вместо него.

— Мы не тамошние. И не местные. Вообще не из этих краёв. Ничего не знаем. И вас мы тоже не знаем. Никто не говорил, что должно прийти аж четыре человека.

— Мои друзья могут выйти прямо сейчас.

— Зачем? Я же уже знаю, что вас четверо, а нас всего двое. Толку, что они снаружи стоять будут?

— Хорошо, — учтиво кивнула Хлоя. — Про немоту в городе тоже не знаете?

— Нет. Ничего.

— А про то, где искать *его*?

— Тоже ничего не знаем.

Эстер поняла, что разговор не задался и чувствовала себя виноватой непонятно из-за чего. Вроде просто стояла, ни слова не проронила, а какой-то призрачный стыд всё равно пробирал. Она была готова выходить, так как Хлоя засунула руки в карманы и прекратила задавать вопросы. Ответ можно было найти и где-то ещё. Главное, чтобы никто из остальных не унывал из-за такого пустяка.

— Тогда последний вопрос.

— Спрашивай и уходите.

— Как вам погода, товарищи? — обратилась фельцеблер к теням.

— Я, когда шла к вам в гости, чувствовала, как пекут голова и руки. Больно так, будто солнце меня поджечь хотело. И как специально, ни одной тучи или облака.

Хлоя посмотрела на пару тонких лучиков, что просачивались из наружности и сверкали на стене маленькими белыми бликами. Тени повернули свои головы и тоже уставились на них.

— Вас когда-то кусали солнечные зайчики?

Сиамские тени не ответили, а лишь немного попятились.

— Глупые слова. Мы глупых слов не боимся.

— Тогда я уйду и оставляю вам на память пару десятков таких. Но больших, не как вот эти крохи на стене. Хорошо?

— Стервятник, — вторая тень прижалась к брату, — ну скажи им, зачем ты так? Этим ведь можно, расскажи им!

Тот сжал кулак и стоял неподвижно.

— Она может нас убить, Стервятник.

— Я — нет. Но зайчики могут.

— Мы не знаем о немоте ничего! — не сдержался Тень. — И о том, где нашего друга искать, не знаем. Правда.

Хлоя молчала, будто пропустила ответ одного из братьев мимо ушей. Потом шагнула вперёд, чуть наклонила голову и обратилась напрямую к Стервятнику:

— Правда-правда не знаете?

Тот был ниже, потому смотрел на неё, задрав голову. Вторая тень чуть подалась назад, он же не сдвинулся. Сжал кулак, но так и не врезал (*интуиция говорила, что он и не мог этого сделать!*).

— Не знаем. Наш с вами друг сказал только о дороге, но не говорил, куда она ведёт. Мы думаем, что в Чёрную Каракатицу, но друг не уточнял. Больше он ничего не говорил.

Хлоя жестом попросила продолжить, и тень, кажется, пересиливала себя. Самыми сложными были первые слова, но

говорить было легче и легче. Эстер запомнила, что нужно идти по тропе, которая вела из ярмарки за город. Идти и идти, прямо вдоль поля, пока не наткнутся на узкую-узкую тропинку, что ведёт налево от основной дороги. Тропинка эта слегка поросла травой и засыпана листьями, поэтому важно не прозевать. По ней и нужно идти до самого конца, даже если покажется, что вокруг только густой лес и остался. А там — домик с флюгером-петушком на крыше, точно не перепутают. Не такой уж сложный путь, если знать, куда идти.

Только Стервятник закончил, Хлоя развернулась, направилась к выходу и бросила остальным: "Здесь всё, можем идти". Она ещё не закончила говорить, а Пракси уже вышел из помещения, так ему было скучно.

Эстер со Скаем не спешили. Второй сделал шаг к теням и что-то им сказал, а саму Эстер как-то не тянуло наружу. Было жаль того пугливого мальчика-тень, которого Хлоя не на шутку напугала. Прямо сейчас брать и уходить было совсем-совсем неправильно.

— Вы здесь застряли, да? — Эстер слышала слова своего друга, но не теней. — Вам сложно передвигаться под солнцем. Нет, не бойтесь, мне ничего не нужно. Совсем ничего. Подождите. А если немного, ну, подсобить? Нет, никаких хитростей. Правда.

— Как? — довольно эмоционально спросил Стервятник.

— Навесами. Одну минуту, пожалуйста.

Скай взял подругу за руку и вывел из шатра. Попросил помочь и мастерски игнорировал все цоканья языком, ненужные упрёки и усталые стоны остальных двух. Его поведение придало Эстер уверенности, и она начала помогать: с помощью аромата создала подобие булавок и пару жёлтых полосок ткани. Полоски эти были прямоугольными и плотными, чтобы свет не проходил. Две тканевые линии простирались от шатра с тенями к двум другим, которые побольше. Скай прикрепил их повыше, чтобы пролегли над головой и не мешали прохожим. В конце концов, от шатра тянулись две дорожки из тени, по которым братья, согласно теории Ская, могли пройти.

— Ещё секунду, пожалуйста, — попросил он у остальных, и они с Эстер зашли внутрь. — Всё. Теперь вы хоть не заперты здесь. Мы сделали вам два коридорчика. И они весьма широкие, вы должны поместиться. Я знаю, толку от этого не так много, вам, скорее всего, легче дожидаться ночи... Но мы подумали, что вам немного неуютно здесь целый день сидеть.

— И всё время прятаться от солнца, — может, не очень уместно, но искренне добавила Эстер. — Не бойтесь насчёт того, что сказала наша подруга. У неё бывает.

— Спасибо, конечно, но как это ты говоришь? Ты разве не немая? — удивился Тень, но Стервятник треснул его по плечу.

— Этого хватит. Куда лучше того, что хотела сделать ваша Хлоя. Здесь и правда невыносимо скучно, поэтому будем есть свет в соседних шатрах. Спасибо.

Эстер поклонилась (*тени вообще знают об этикете?*), и они синхронно со Скаем вышли. Дальше продолжать диалог не было смысла, и для неё точка была поставлена.

Они вышли на нужную им дорогу, ведущую за город. Ярмарка осталась за спиной, оставалось не прозевать поворот.

— Нужно было дырявить шатёр, — возразила Хлоя по пути. — Эти ваши нежности ни к чему.

— Я даже обсуждать это не буду.

— А не раскололись, так погибли бы. Их выбор. Мир не терпит самоубийц.

— Прекращай, — махнул Пракси. — Хло, ты иногда лютая такая, прямо страх берёт. Но за тебя, а не перед тобой.

Та не ответила. Не было настроения на болтовню и объяснение своей точки зрения. В правоте она была уверена, но решила идти молча. Все то ли намеренно, то ли неосознанно решили сделать так же. Пракси сунул руки в карманы и смотрел под ноги, остальные двое только иногда перекидывались парой фраз касательно здешних пейзажей. А Хлоя шла. Просто шла и грела руки о горячие пакеты в карманах, которые прикупила на ярмарке. Рукам тепло, но ей бы целиком оказаться внутри, чтобы согреться.

* * *

“Домик с флюгером” — слишком, слишком много неправды в этих словах. Это однозначно хибара со ржавым петушком наверху. Хлоя постучала в дверцу-развалюху, и изнутри раздались крик и возглас.

— Войдѣшь, вша, я тебя гнилой тюлькой закидаю!

Пракси ситуация развеселила, и он, заливаясь смехом и не веря ушам, начал тарабанить в дверь.

— Эй, уважаемый! Ты там как, в порядке?

— Таз тюльки на голову тебе высыплю! Отмываться неделю будешь.

Хлоя сжала кулаки и позволила себе выругаться.

— Эй, попрошу не выражаться так из-за пустяков! Ты чего?

— Ничего. Наоборот, смотри, какую замечательную подсказку нам эти тени дали.

— Что же в ней замечательного? — изумилась Эстер, не уловив иронию. — Очень смутная выгода пока что получается.

— Да. Ты умница, схватываешь на лету. Нужно было жечь тех дефективных близнецов. Мы так очень долго будем искать ответ.

— Эй, ты там чего такой злой? — не унимался Пракси и стал на колени, чтобы говорить в щель между полом и дверью. — Мы ведь гости.

— Сколько вас там? А?! Все до единого с клыками и когтями, да?

— Дед, какие клыки? Ну и буйный попался. На, остуди пыл.

Пракси не думал выходить из себя. У Хлои же настроение подкосилось — она любила разумные диалоги, а не беседы с сумасшедшими. Ещё от теней не отошла, а тут уже новый экземпляр. Не любила она странных, отсталых, недоразвитых и чересчур чудаковатых. Пракси же общался с такими как ни в чём не бывало. Лёд проник в щель под дверью, и человек по ту сторону охнул от удивления.

— Ой-ой! Я всё перепутал! Всё напутал, хорошие мои! Открываю, открываю, не уходите никуда!

Замок щёлкнул, и дверь отворилась. За ней стоял ну совершенно странный персонаж. Дабы не бросаться обидными словами и не закрывать глаза на очевидные вещи, можно с натяжкой назвать этого человека неказистым. Волосы, чтоб не соврать, — один сплошной белый колтун, который хоть по прядке расчёсывай, уже ничего не поможет. На зубах у старика была пластина для выравнивания, но проволока на ней казалась неестественно толстой. На шее болтался кусок необработанного заплесневелого

камня на верёвочке. Если это был какой-то талисман удачи, то уродливее вещицу ещё нужно найти. Примитивщина, одним словом.

Ну а если закрыть глаза, то одинокий мужчина за шестьдесят, только и всего. Только на такое не положено закрывать глаза. Тут дьявол крылся во всех чертах его внешности, кроме, пожалуй, мелочей.

— А-а-а, ароматчанчики! Минуту, минуту, давайте сюда. Я не знал, что вы ароматчанчики. Простите манеры.

— Дед, ну ты... — Пракси не договорил и рассмеялся, покрутив пальцем у виска.

Хлоя не хотела заходить внутрь, скорее, из принципов, нежели из-за какой-то опасности. Остальные трое перешагнули порог, почти не задумываясь, ей же пришлось слегка пересилить себя. Недоброжелательность старика сразу сменилась гостеприимством, только он окинул гостей взглядом. Хозяин дома махнул рукой и зашаркал до места, которое назвал "стряпной". По пути ребята бросили пару слов, что-то, кажется, спросили, но Хлоя не следила за разговором. Она прилипла взглядом к стене и прикусила губу. Зайдя в эту самую "стряпную", просто морщиться уже никак не получалось. Тут можно было смело начинать плевать.

— Садитесь, вот, ребятки. Одну минуту, — сказал старичок и протяжно шмыгнул носом. — Пожалуйста, никуда не уходите.

Ладно, всё бывает. У каждого свой взгляд на разные вещи, но этот тип был в край странным. Эстер, это наивное создание, хлопала глазами, не понимая, что происходит. Скай с любопытством смотрел в оконце, но такие кучу навоза у себя под носом не заметят, если над головой будет проплывать красивое облако. Хлоя так не умела и наблюдала за этим странным чумазым "нечто", с совершенно очевидными признаками насморка.

Это не просто антисанитария. Это не просто беспорядок. Это катастрофа. Стоило только посмотреть хотя бы на то, как он делал бутерброд. За ломтиками хлеба он потянулся в стоявший возле веника таз — безусловно, лучшее место для выпечки. Перевернул крышку горшка с кипящей водой и аккуратно, даже с любовью, положил кусочки хлеба на покрывшуюся влагой поверхность. Видимо все без исключения тарелки в этой дыре были частью огромной горы грязной посуды возле окна. Старик настругал шматы колбасы и положил поверх. И вот именно, что настругал — он зачем-то резал не кружочками, а словно морковь, складывая полоски в цельный пазл уже на ломте хлеба.

Кулинар снова шмыгнул, а затем его, судя по всему, достало, и он вытер нос большим и указательным пальцем. Хорошо хоть разыграла хозяйственность, и он вовремя сообразил, что всухомятку есть совсем не то. Сметаны он не пожалел, и с соответствующим чвакающим звуком огромная белая лепёшка упала на центр каждого из бутербродов. Ну а в довершение, конечно, овощи — без них ни здоровья, ни зверского аппетита. Повар долго копался в корзинке и чесал свои волосы. Совесть не позволяла это так называть, но пусть, пусть. Наконец он достал свёклу — может, не такой уместный, но, хочется верить, что самый свежий овощ из всех. Как и полагается, нарезал её квадратиками и украсил свой маленький шедевр. Затем взял в руки крышку и подошёл к гостям.

— Прошу вас. — Здесь он решил, что слишком большой кусочек жира в одном из ломтиков колбасы — это совсем негоже, просто выскреб его ногтём и, словно ни в чём не бывало, съел. — Попробуйте.

Крышка, наконец, оказалась на столе.

— Мы не очень голодны, — поблагодарила Хлоя. — Ели каких-то полчаса назад, не думали, что нас кто-то будет встречать.

Не хотелось задавливать его ароматом раньше времени. Терпение ещё было, но с этим человеком оно улетучивалось быстрее обычного.

— Я запакую, когда будете уходить. Так вот, э-э-э... Да. Как вы, ароматчанчики, спите? Крепко?

— Ароматчанчики? — проявила инициативу Эстер, а хозяин дома уже готов был записывать каждое слово.

— Ну да. Вот вы лёд сюда под дверью сделали.

— Это называется "носители", мистер. Ароматчанчиками нас никто никогда не называет.

— Ага. Носи-тели. Как вы спите?

— Знаете, как и всегда. У нас сон не отличается совершенно, если это не аномалия. Я вот могу очень долго не спать.

— А вкус вы ещё чувствуете?

— Конечно, — как ни в чём не бывало, продолжала Эстер.

Странная девушка, эта Эстер. Она говорила так, будто это совершенно нормальный диалог в совершенно нормальном месте.

— Вам больно делать лёд, всё вот это?

— Человек рано или поздно устаёт. Это как физические силы, которые у вас есть, а вы стараетесь ими грамотно распорядиться.

— А-а-а, ага, — он чёркал что-то в своём блокноте, но Хлое показалось, что он просто рисует простые фигуры. — И вы все, получается?

— Носители?

— Они.

— Да, все четверо.

— Ага... Болеете?

— Как и все люди.

— А сходите с ума, когда потеете?

— Я такого не встречала. Очень сомневаюсь, что...

— М-м... Я могу понюхать ваши руки?

— Ну... Подождите, но...

Эстер говорила, а Скаю здесь было явно скучно. Хлоя видела, что Пракси внимательно слушает, и заметила, как рука парня потянулась к крышке. Он взял первый попавшийся бутерброд и откусил почти половину. Будто ощутив на себе тяжелейший взгляд, он посмотрел в ответ, и весь окружающий мир для них улетучился. Хлоя готова была поклясться жизнью, что за всё время их знакомства не было более неловкого момента, чем этот. Чего уж там, за всю её жизнь не было настолько нелепой паузы. Хлое попросту было больно настолько, будто она сама жевала этот треклятый бутерброд. Они оба не нашли, что ответить, и увели взгляды.

Хлоя имела привычку осматривать детали, за которые можно было зацепиться. То, как человек живёт, говорило о нём многое, иногда даже слишком, и в этой массе информации часто были болевые точки, на которые можно давить. Оттолкнуться от социального уровня, религиозности, предпочтений или интересов, чтобы найти подход. Переходить сразу к делу или немного потрепать по-дружески, иногда начать нарочито агрессивно, а иногда в меру снисходительно — да масса вариантов.

Но здесь выводы разбивались о скалы. Скалы грязной посуды, чая с налётом, скалы воды с противным запахом и, в конце концов, вид этих неухоженных слипшихся волос! Хлоя сама не знала, почему её это так волновало, но оно просто выводило из себя.

— И даже не храпите?

— Знаете, тут индивидуально.

— То есть, это возможно, что ароматчанчики храпят?

— Конечно. Это же физиоло...

— Покажите как вы храпите, а? Один разочек.

Хлоя закрыла глаза, сосредоточилась и стукнула костяшками по столу. Все поняли, что идея с храпом откладывается. Пусть её

аромат сожрёт человека. Он ответит на все вопросы, даже если от них самой Хлое будет больно на физическом уровне. Но лучше, чтобы было больно ему.

Все выдержали паузу, а потом Хлоя встала и обошла старика. Тот сидел на стуле, а она осталась стоять. Закрыла ему глаза ладошками и чуть наклонилась вперёд. Говорила она негромко и ничуть не раздражённо.

— У нас вопросы. Давай поговорим?

— О, да? Я готов помочь с любыми вопросами и проблемой.

— Есть одна, — сохраняя холодное и максимально допустимое недружелюбие, кивнула Хлоя. — Чёрная Каракатица — тебе это название что-то говорит?

— Ох-хо, — засмеялся тот. — Если откуда-то и растут ноги, то из Каракатицы. Если где-то и пропали голоса всех, так это там. Но если вы хотите вкусно поесть, так это ко мне.

— Пошутить ещё раз, и мы будем последними носителями, которых ты видишь. И все, у кого есть аромат, будут огибать эту дыру десятой стороной. Или же ты нам расскажешь то, что мне интересно, а мы расскажем тебе об ароматах. Опосля. Что думаешь?

Тот изменился в лице так, что сама Хлоя не ожидала. Будто сумасшедшему сообщили о кончине жены, которую он любил. Безумие безумием, но на лице отразился какой-то уловимый даже ей ужас. И это был лучший момент для её аромата, просто блестящий. Розовый узелок, видимый только Хлое, сжал собеседнику горло.

— Не нужно так делать, пожалуйста. Я согласен говорить обо всём.

— Тогда просто вразумительно общаемся. — Тот покорно кивнул.

— Первое — ты знаешь о пропавшем старосте деревни?

— Нет. Я никогда его в лицо не видел, правда.

— Хорошо. Второе — Каракатица.

— Чёрная.

— Чёрная. Что ты о ней знаешь?

— Что там интересно. Будьте готовы, что там интересно. И там... — он зашептал, — болтают о немых!

— Кто болтает?

— Без понятия. Их трудно найти, а я пытался. Мне сказали об этом те, кто болтают о тех, кто болтает о немых.

Хлоя нахмурилась. Она не ожидала услышать ответы на чётко поставленные вопросы. Даже из такой чуши можно было выдернуть нужные ей догадки. В целом, становилось немного понятнее.

— Третье. Ты знаешь туда дорогу? В Каракатицу.

— О да, я там был!

Старик потянулся за бутербродом с подноса, и Хлоя не стала возражать. Он откусил кусочек.

— Расскажи.

— А вы идите дальше по дороге. Покажется, что уже ничего интересного, но вы идите ещё дальше. Хорошо?

— Хорошо.

— Нужно ещё немного пройти по дороге, но! — За всё время сейчас он казался максимально серьёзным. — Там будет участок с ивами. Вам нужно пройти под их листьями и шагать дальше. Обязательно под ними. Не обходить их стороной. И на развилке — налево, на дорожку шириной с ладонь. Она ровно шириной с ладонь, я проверял! Дальше не потеряете...

— А если нет? — перебила Хлоя. — Если мы не пройдем под ивами, то что?

— О, ужас. Какой ужас, вы что?! — воскликнул старик, будто вовсе не расслышал, что это был вопрос. — Я даже думать не хочу, что будет, но очень не желаю вам это делать. Даже преочень не желаю.

— Я, кажется, понимаю, о чём вы, мистер, — встряла Эстер. — Хлоя, слова про ивы имеют смысл. Мне есть что сказать.

— Замечательно. Запомни, потом мне обязательно объяснишь, — пресекла фельдцеллер, чтобы не разглагольствовать во время действия аромата, и вернулась к старику: — Говори дальше.

— А это всё. Больше я ничего не знаю.

— Что там нас ждёт? В Чёрной Каракатице.

— Наверно, то, что вы ищете. Как думаете?

Розовая леска, обвитая вокруг восприятия, ослабла и тут же исчезла. Хватит. Хлоя убрала руки. Оставшиеся вопросы Хлоя задала только и только из-за того, чтобы увидеть, как быстро поменяется поведение старика.

— Про потерянные голоса что-то известно?

— О, о! — старик расхохотался, а потом пожал плечами. — Ну конечно, кто не знает-то?

— Что?

— Что они пропали! Ой-ой-ой, даже звучит страшно, согласна?

Хлоя кивнула. Он совершенно полоумный. В её духе услышать всё здесь и сейчас, но из всех, пожалуй, существующих мест здесь хотелось оставаться меньше всего. В этом домишке как минимум дурно пахло, а любое решение хотелось бы принимать не в помутнении рассудка от запаха мерзкой колбасы.

— Уходим, — бросила фельдцеблер и, резко встав, направилась к выходу. — Спасибо за диалог.

— Что? Что значит уходим? Эй!

Эстер бросилась за ней, и эти слова вызвали у неё куда больше недоумения, нежели можно было представить. Она словила Хлою за руку у самого выхода, и началось самое настоящее шутовство.

— Так нельзя, мы же ему обещали рассказать о наших ароматах. Услуга за услугу.

— Он сумасшедший старикан. А ты — защитница сумасшедшего старикана. Мы уходим искать то, ради чего сюда приехали.

— И мы это найдем! Но будь честна перед самой собой, мы ведь ему дали слово. Он ведь рассказал всё, что знал.

— Мне правда жаль, если тебе показалось, что это взаимовыгодный диалог.

Феноменально глупая наивность. Просто стыд прошибает за такой взгляд на вещи. Хлоя аккуратно убрала руку Эстер со своего рукава и после этого толкнула дверь. Хвала свежему воздуху, да ещё и такому прохладному. Эстер метнулась следом.

— Нет, я так не могу. Значит, я никуда не пойду.

— Отлично. Обещаешь мне растолковать смысл, а потом идёшь в отказ. С таким успехом скоро вся деревня немой станет пока мы найдём ответ.

— Ты этому мужчине тоже обеща...

— Кто мы друг другу, а кто он нам? Не лучше решать проблему целой деревни, чем храпеть кому-то на заказ? Соберись уже!

Всего лишь маленький розовый узелок на её восприятии. Так Эстер станет сговорчивее. Хлоя понимала, что в споре она выиграла ещё до этой фразы. Эстер сломалась как маленькая веточка под тяжёлым весом уверенных слов.

— Хорошо. Согласна с тобой.

— Всё, — пожал плечами вышедший на улицу Пракси. — Порядок. Я сказал, что лично зайду к нему при возможности и отвечу на вопросы. А пока мы заняты.

— Врёшь?

— Не врёт, Эстер. Он правда так сказал. — Скай оказался четвёртым, кто вышел из дома, параллельно попрощавшись с хозяином этого самого жилья.

— Мы идём прямо сейчас. Но быстрее. Вечереет.

Усталость от этих разговоров была такой, будто Хлоя целый день землю копала. Хоть в этот раз никто не спорил, и решение было единогласным. Нужно было торопиться.

* * *

И правда, через двадцать минут ходьбы их ждало весьма красивое явление. Ивы, что росли слева и справа от тропинки, раскинулись так низко, что их листья создавали живой коридор из зелени. Он был густым, и прорези между листьями были такими маленькими, будто посреди леса стоишь. Листья переливались зелёно-фиолетовым, и это, признаться, было и вправду красиво.

— Смотрите, ива, как и говорил тот мужчина. А дело вот в чём — листья ивы ещё с давних времён считаются символом загадки и тайны. Видите, какие продолговатые? Они даже чем-то напоминают пёрышки. Наши предки считали, что существует очень редкий вид птиц с зелёными листьями вместо перьев. Птица эта была дивной и символизировала собой загадку, поэтому иве дали народное название “зелёное оперение” и очень долго связывали это дерево с мистикой и тайнами. И мы как бы сейчас входим в коридор секретов, понимаете, к чему я клоню?

— Да, — неожиданно для Хлои сказал Скай. — Обойди мы этот коридор, и просто шли бы по тропинке. А сейчас должен быть этаким эффект перехода.

— Да, именно!

— Переход так переход, — Хлоя старалась задеть кого-то своим скепсисом и усталостью от пустой веры в волшебство. — Просто пойдём. Главное — тропинку размером с ладонь не пропустить, если она вообще существует.

— Не кисни. Вот тебе птичка, поболтайте. — Скай положил на её ладонь маленькую, сложенную из бумаги зверюгу, похожую на...

Хлоя не так разбиралась в птицах, чтобы определить. Штука с клювом и крыльями, в общем.

Они прошли ещё с пару десятков принципиально важных минут и свернули налево, как и было велено. Узкая тропа, однозначно не любительница каждого прохожего, но и не шириной с ладошку. Кажется, эта была даже шире той, что вела к сумасшедшему. Чем дальше они шли, тем больше деревьев становилось вокруг. Вывела эта дорожка на небольшой пустырь.

Здесь находилось двухэтажное здание с высоким первым этажом. Из трубы шёл дым, через окна был виден жёлтый цвет, но ничего такого в этом месте не было. Напоминало забегаловку, построенную для тех, кто хочет перекусить и пойти дальше в лес.

Перед ними оказалась лестница, что вела ко входу. Стоило подняться, как человек попадал на небольшую площадку для, судя по всему, курильщиков. Здесь только деревянные бортики и немного места для тех, кто хотел подышать воздухом. Напротив этого заведения была одна-единственная деревянная лавочка. Убожество со спинкой, с явным перекосом вправо и небрежно обрезанными краями. Кусок доски, ни дать ни взять.

Под стать этой двухэтажной дыре, что чудом была открыта. Уже наступил вечер, и у Хлои почему-то возникло стойкое чувство, что где-то они свернули не туда. Она до сих пор думала, что всё пошло под откос примерно на стадии разговора с тенями.

— Ну и захолустье. Ещё одно совсем убогое местечко, — Хлоя прилегла спиной на лавку, положив голову на колени Ская. — Я в этот свинарник не сунусь, мне хватило. Может кто-то подняться и спросить, туда ли мы пришли?

— С чего бы, уважаемая? Вместе идём.

— Сначала узнай, как называется заведение. Каракатица это или нет? Потому что ни вывески, ничего.

Пракси пожал плечами и молча направился ко входу. Поднялся, покрутился с полминуты и вернулся.

— Так, ну вывески на входе и правда нет. Кто-то пойдет со мной или бросите? Скай?

— Скай занят. Его колени заняты, а значит, и он сам.

— Я пойду, — ожидаемо согласилась Эстер. — Не проблема. Вам взять что-то перекусить или выпить, если там есть?

Хлоя вяло махнула рукой, мол, не стоит. Оба поднялись по лестнице и исчезли за дверью, а Хлоя осталась лежать на коленях Ская, не подозревая, что её друзей только что проглотили живьем.

Можно считать, что у Чёрной Каракатицы проснулся аппетит. С утра она наточила зубы посильнее, специально, чтобы раскусить пополам всё, что можно раскусить пополам. Так по итогу и случилось, ведь любого зашедшего она может разгрызть на раз-два. Играет роль только то, на какую сторону будут жевать. Вот и выходит, что остаётся только выбрать одну из сторон и держаться за неё до конца. Неважно, с чего начинать и чем заканчивать — в итоге окажется, что Чёрная Каракатица вообще не приемлет мясо.

С этого момента история разделяется надвое. Вы можете выбрать любую из двух историй — они параллельны и взаимосвязаны. Ваш выбор влияет на восприятие всей истории, но не на сам сюжет.

Если решите начать с истории Пракси и Эстер, то просто листайте книгу дальше. Если же хотите начать с истории Хлои и Ская, то закройте книгу и начните читать её с конца, который на деле является началом. Какую бы сторону вы ни выбрали — в конце концов вы не только увидите историю целиком, но и станете её полноценной частью.

Счастливого траура и трагичного вам праздника!

ПРАЗДНИК В СЕМИ ЦВЕТАХ

ИСТОРИЯ ЭСТЕР:

Чик-чирик

*С ней ответа не жди, не ищи и не требуй.
Пусть чисты её замыслы, но сердце не знает
Почему кто-то вянет и всё тянется к небу,
Пока кто-то за ним свысока наблюдает.*

ИСТОРИЯ ПРАКСИ:

Сверхпроводник сверхнепроводимого

*Невечный двигатель рокочет и рокочет.
Не заvertеть, ведь сам — веретено.
Он смотрит вверх, но туч достать не хочет
Бухтит на небо. Погружается на дно.*

ТРАУР В СЕМИ ЦВЕТАХ

ИСТОРИЯ ХЛОИ:

Сююсекундная классика

*Лезь-ка в пасть мою, и враг, и товарищ,
Подобно змею тебя нежно проглочу.
И задушю со всем теплом, едва лишь,
Поймёшь, где лгу тебе, а где же я шучу.*

*И траурно, и вроде так комично:
Пока обедаю тобой — прошу, не шевелись.
И погибай во мне, пожалуйста, прилично:
Закрой глаза. Умри. Расслабься. Улыбнись.*

ИСТОРИЯ СКАЯ: Бумажный клехо

*Клехо гнезда не вьёт на верхушках деревьев.
Тело — плотный картон, но он знает,
Что для птицы важно́ не наличие перьев.
Птица — та, кто по небу летает.*